

СИЛА ДУХА

5

СИЛА ДУХА

- А.С. Вольпин Юридическая Памятка
- В. Некрасов Судьба Семена Глузмана
- В. Буковский Пособие по психиатрии для
С. Глузман инакомыслящих
- Я. Виньковецкий Письмо из России в Россию

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

- УК - Уголовный кодекс**
- ГК - Гражданский кодекс**
- УПК - Уголовно-процессуальный кодекс**
- ГПК - Гражданский процессуальный кодекс**

В СССР эти кодексы являются республиканскими. Все ссылки на статьи даются здесь применительно к кодексам РСФСР - но, как правило, в кодексах других союзных республик имеются аналогичные статьи.

Каждого могут неожиданно вызвать на допрос, и, значит, надо быть к этому готовым.

Допросы бывают разные: допрашивают обвиняемых, арестованных и неарестованных, допрашивают свидетелей, допрашивают и просто так, на всякий случай. Допрашивают по поводу действительных преступлений и по поводу поступков, совершенно не предусмотренных Уголовным кодексом. Допрашивают следователи, но не только они.

Полуофициальные и вовсе неофициальные беседы навязывают гражданину партсекретари или какие-либо незнакомцы, "имеющие отношение к органам" и не предъявляющие никаких документов. Такие беседы часто мало отличаются от допросов.

Перед допрашиваемым возникает много сложных вопросов: как держать себя, чтобы не ухудшить положение; ведь если допрашивают - значит, уже плохо. Одни больше беспокоятся за себя и своих близких, другие на этот счет спокойны, но боятся повредить друзьям.

Во время допроса поздно начинать определять свою позицию и выработать линию поведения - тот, кто допрашивает, знает свое дело и сумеет переиграть неподготовленного. Поэтому, если вы опасаетесь допроса, даже если только можно его опасаться - готовьтесь к нему заранее. Готовьтесь прежде, чем совершить поступки, которые могут привести к вашему допросу - иначе вы с

самыми лучшими намерениями можете запутаться и предать тех, кого не хотите.

Если вы все-таки и попались врасплох - лучше всего не торопиться с ответами, отказаться отвечать в тот день и выиграть время для подготовки.

Ниже - ряд советов, которыми можно воспользоваться во всех случаях, с небольшими оговорками.

Прежде всего - есть разные причины допросов. Возможны случаи, когда совершено или готовится преступление^{х/}, раскрытия которого вы желаете, и вы сами идете в милицию или прокуратуру, чтобы рассказать об этом преступлении все, что знаете. Это может быть очень честным поступком с вашей стороны, но совет: готовьтесь и в этом случае к тому, что между делом вам начнут задавать вопросы не о том, о чем вы хотели рассказать.

Всегда перед возможным вызовом на допрос постарайтесь оценить события, о которых вас будут допрашивать, с юридической точки зрения. Если вы не в тюрьме, возьмите Уголовный кодекс и найдите в нем те статьи, которые относятся к рассматриваемому случаю. Особое внимание обратите на то, что не всякий совершивший преступление может быть привлечен к ответственности, а только виновный в этом; имеется лишь два вида вины: умысел и неосторож-

^{х/} Понятие преступления определяется в ст. 7 УК, где, в частности, сказано, что преступление должно быть предусмотрено Особенной частью УК. УК делится на две части: Общую и Особенную. Материал, касающийся отдельных видов преступлений, входит в Особенную часть. Общая часть, касающаяся ответственности за преступления вообще, очень близка по тексту к Основам Уголовного Законодательства Союза ССР и союзных республик, принятым в конце 1958 года.

ность /см. ст.ст. 3, 8 и 9 УК/. Обратите также внимание на основания к оправданию: ст.ст. 13 и 14 УК. Согласно ст.ст. 19 и 18 УК, недонесение и заранее не обещанное укрывательство влекут ответственность только в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК.

Невменяемость освобождает от уголовной ответственности, но не от помещения в психиатрическую больницу, опьянение не освобождает от уголовной ответственности /ст.ст. 11 и 12 УК/.

Вас могут расспрашивать о приготовлении к преступлению или покушению - подумайте о том, не отказался ли покушавшийся или готовившийся к преступлению от дсведения его до конца добровольно, ибо в этом случае он отвечает за готовившееся преступление лишь если успел совершить другое преступление /ст.ст. 15 и 16 УК/.

Но особое значение для вас на допросе имеет не столько УК, сколько УПК, который устанавливает правила разбирательства дела на следствии и в суде, и, в частности, права и обязанности обвиняемого и свидетеля и порядок проведения допросов.

Вот что вам надлежит знать прежде всего:

I. УПК регулирует лишь допросы, производимые на следствии и в суде. Все прочие допросы - это "беседы", причем закон ни для кого не устанавливает никакой ответственности за отказ от ответов на этих беседах. Однако если закон устанавливает ответственность за недонесение на преступление, о котором идет речь, такой отказ может усугубить эту ответственность. Закон, в частности, не предусматривает уголовной ответственности за недонесение на аятисоветскую агитацию и пропаганду, а также за организацию или участие в групповых действиях, нарушавших общественный порядок и т.д.

Закон предусматривает уголовную ответственность за недонесение на участие в антисоветской организации и на другие государственные преступления, предусмотренные ст.ст. 64-69 УК/.

2. Уголовная ответственность за отказ или уклонение от дачи показаний - исправительные работы: вычеты из зарплаты 20 процентов, или штраф до 50 рублей, или общественное порицание. Эта ответственность, как и ответственность за дачу заведомо ложных показаний /в последнем случае доходящая до I года лишения свободы/, установлена лишь для свидетелей и потерпевших. В частности, обвиняемый от нее свободен /право как угодно отвечать на вопросы или не отвечать на них вовсе; см.ст.ст. 181 и 182 УК/.

3. Перед началом допроса следователь разъясняет свидетелю или потерпевшему его обязанности и предупреждает его об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, о чем делается отметка в протоколе, которая удостоверяется подписью свидетеля.^{x/} Следовательно, до тех пор, пока свидетель не предупрежден об этой ответственности, допрос еще не начался, и он не обязан отвечать ни на какие вопросы.

4. В начале допроса следователь устанавливает отношение свидетеля к обвиняемому и потерпевшему и выясняет другие необходимые сведения о личности допрашиваемого. Допрос по существу дела начинается предложением свидетелю рассказать все ему известное

^{x/}См. ст.158 УПК

об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван на допрос; после рассказа свидетеля следователь может задавать ему вопросы. Наводящие вопросы не допускаются.^{x/} Вы должны запомнить этот порядок - если он как-либо будет нарушен, то это не допрос, и у вас могут появиться основания к отказу от ответов и от дальнейшего участия в этом "допросе".

5. Свидетель обязан явиться на допрос и дать правдивые показания, т.е. сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы.^{xx/} Но, хотя уклонение от этой обязанности является преступлением, такое уклонение или отказ не является преступлением, если они совершаются в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости.

6. Во время предварительного следствия лишь одна статья УПК устанавливает право следователя /прокурора/ задавать вопросы свидетеля. Это ст. 74, согласно которой свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу.

В суде пределы разбирательства устанавливаются статьей 254 УПК, согласно которой разбирательство производится только в отношении обвиняемых и лишь по тому обвинению, по которому они преданы суду. Обстоятельства, не могущие очевидным образом способствовать совершению какого-либо преступления /например, политические

^{x/} См. ст. 158 УПК

^{xx/} См. ст. 73 УПК

или философские взгляды или литературные вкусы свидетеля или другого лица/ или сопутствовать ему, не относятся к числу тех, о которых может быть законно допрошен свидетель.

Как правило, свидетель не может быть на законном основании допрошен и о лицах, не привлекаемых к ответственности и не участвовавших в совершении преступления, за исключением потерпевших; вопросы о присутствии такого-то лица на месте преступления или о подготовке к преступлению и т.п., конечно, могут быть заданы. Если лицо, производящее допрос, выйдет своими вопросами за эти пределы, у вас могут появиться основания к уклонению от ответов.

7. Право собственноручного написания своих показаний принадлежит как обвиняемому, так и свидетелю /ст.ст. 152 и 160 УПК/. Это право предоставляется обвиняемым и свидетелям по их просьбе после дачи ими показаний. Ясно, впрочем, что свидетель не будет наказан только за то, что с самого начала, отказавшись от дачи устных показаний, изъявит желание давать их в письменной форме. Следователь может, по просьбам допрашиваемого, задавать ему вопросы и вести протокол, но закон не обязывает свидетеля подписывать те слова, которые ему приписывает следователь.

Поэтому, если допрашиваемый - как обвиняемый, так и свидетель - проявит настойчивость, то ему будет предоставлена возможность собственноручной записи своих показаний, о чем будет сделана запись в протоколе, но вопросы следователь будет записывать сам. Это право /в УПК оно называется "возможность"/ не входит в перечень тех прав, о которых следователь обязан сообщить обвиняемому или свидетелю. Оно имеет важное психологическое значение прежде

всего потому, что гораздо проще добиться, чтобы допрашиваемый, в минуту слабости, поставил свою подпись под уже написанным следователем текстом, чем, чтобы он сам написал угодный следователю текст, а затем еще и подписал бы его.

Записывая свои показания, вы постараетесь выбрать выражения. Но вы будете лишены этой возможности, если за вас запись ведет следователь. Не надейтесь на то, что следователь запишет ваши слова дословно. Вести дословную запись трудно, и поэтому трудно упрекать следователя в искажении ваших слов, ну а если вы не хотели, чтобы вас допрашивали, можете ли вы рассчитывать на то, что искажения будут для вас желательны?

Следователь, даже работая вполне добросовестно, понимает свою задачу не так, как вы свою. Поэтому он может просто не обратить внимания на важные тонкости, которые вы употребили в своей речи. Могут исчезнуть ваши оговорки о том, что вы не вполне доверяете своей памяти, слова типа "пожалуй" и "может быть"; там, где вы говорили о чьих-нибудь злых речах, в записи другого лица эти речи могут быть названы "клеветническими", а если вы сказали о чьих-либо расхождениях с взглядами КПСС, в записи мнения этого лица могут быть названы "антисоветскими".

Вы можете быть достаточно развиты в юридическом и политическом отношении, чтобы возражать против этого, и сами бы вы так никогда не написали. Но если вы позволите следователю так записать ваши слова, ожидайте затем психологического нажима, а откуда вы знаете, что выдержите этот нажим, после того как уже совершили важную уступку, когда, зная о своем праве составлять письменный текст

своих рассказов и ответов, позволили сделать это за вас.

Главное: редакция ваших показаний должна принадлежать вам, и этого гораздо легче добиться, если вы будете их писать сами. Чтобы добиться от вас подписи под готовым текстом, достаточно добиться от вас всего лишь трех секунд слабости или невнимательности; заставить же вас написать серьезный текст, с которым вы не согласны, надо надеяться, вообще невозможно.

Собственноручная запись своих показаний - одно из важнейших условий того, что допрашиваемый будет держать себя в руках во все время допроса. Конечно, вам могут возражать, указывая на технические обстоятельства допроса /расстановка мебели, препятствующая частой передаче протокола из рук в руки и т.п./. Отвечайте, что это вас не касается. По этому поводу часто на допросах ведется борьба.

Следователь любит, например, ловить свидетелей на стилистических ошибках и, подсказав свидетелю действительно лучший текст, чем тот написал, затем старается добиться от него уступки и писать его ответы своей рукой. Не поддавайтесь.

Но, конечно, если вы тверды и опытны, то можете разнообразить прием. В этом случае вы можете записывать показания на своей бумаге, а затем диктовать их следователю. На это уйдет много времени - скорее всего, это будет в ваших интересах. Во всяком случае, при малейшем отступлении записи следователя от вашей, вы вправе не подписывать того, что записал следователь.

8. Во время допроса следователь вправе применять звукозапись. Если он это делает особенно тщательно, выбирайте свои выражения. Он вправе вести звукозапись лишь всего допроса, но не отдельных его частей. Магнитофонная лента затем должна быть про-

кручена перед вами, и вам должна быть предоставлена возможность дополнить ее. Она употребляется для уточнения протоколов и приобщается к делу /ст. 141^I УПК/.

9. После составления протокола допроса следователь обязан предоставить свидетелю возможность делать замечания, подлежащие внесению в протокол. По окончании допроса свидетель имеет право требовать дополнения протокола и внесения в него поправок. Эти поправки и дополнения подлежат обязательному занесению в протокол /см. ст. 151 УПК/.

Свидетель подписывает каждую страницу протокола отдельно. Последнее положение следователи используют для того, чтобы, получив подпись свидетеля под отдельной страницей, сразу же забрать ее себе и больше ее свидетелю не предъявлять. Плохо помня, что было написано на предыдущей странице, свидетелю будет трудно при составлении следующих. Поэтому возникают ошибки.

Совет: в конце длинного допроса, как бы вы ни устали, требуйте предоставления вам возможности внесения дополнений и поправок, а для этого - предъявления всего протокола допроса. Следователь, возможно, будет вам отказывать, ссылаясь на поздний час, и предложит зайти в другой раз. Но он может вас потом не вызвать и не принять.

Поэтому вы поступите правильно, если, изложив это опасение при составлении первой страницы, потребуете, не подписывая ее сразу, чтобы на подпись вам были предъявлены все страницы сразу. Если вам откажут, тогда у вас будет основание отказаться подписывать что бы то ни было.

10. Если вы отказываетесь подписать протокол, вам должна

быть предоставлена возможность дать объяснение о причине отказа, которое заносится в протокол /см. ст. 142 УПК/.

Обвиняемый имеет то преимущество, что он вообще не обязан давать показания.^{х/} Если его начинают расспрашивать об образе жизни знакомых, он может оборвать следователя словами: "Я даю показания как обвиняемый, а не как осведомитель".

Положение свидетеля труднее тем, что за отказ от дачи показаний он несет ответственность по ст. 182 УК. Конечно, это гораздо лучше, чем солгать, рискуя лишением свободы /не говоря уже о нравственной предосудительности всякой лжи/. Но у свидетеля могут найтись законные основания не отвечать на вопросы.

Прежде всего он должен иметь в виду ст. 13 УК РСФСР. Не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть /в частности/, при защите интересов личности или прав обороняющегося или другого лица, "если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны". Таким превышением признается "явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства". Конечно, если посягательство состоит в самом факте задания вопроса, то отказ от ответа будет способом защиты, вполне соответствующим характеру и опасности посягательства. Общественную опасность посягательства следует при этом усматривать в подрыве Конституции СССР, III статья которой обеспечивает

^{х/} Процессуальные преимущества обвиняемого перед свидетелем этим не исчерпываются. Обвиняемый не несет уголовной ответственности за заведомую ложь в своих показаниях. Кроме того, он имеет право знать свои обвинения /а свидетелям по его делу закон не предоставляет права знать, в чем обвинения состоят/.

право на защиту обвиняемого. Несущественно, что свидетель еще не стал обвиняемым: в ст. 13 говорится о правах "обороняющегося или другого лица".

Свидетель может сослаться на эту статью и тогда, когда ходом допроса следователь угрожает правам другого лица, которое привлечено или может быть привлечено в качестве обвиняемого. У свидетеля обычно нет законных прав уклоняться от ответа на вопросы о личности обвиняемого или потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними. Конечно, такая возможность появляется, если допрос начинается с грубого нарушения закона, дающего свидетелю право прекратить его на основании ст. 13 или 14 УК, или если он знает, что следователь грубо нарушает законность в других случаях.

Но выступая с такими заявлениями публично, свидетель берет на себя большую ответственность, чем в случае отказа от дачи показаний, а потому должен располагать твердыми доказательствами их.

Эти ссылки на ст.ст. 13 и 14 не обязательно помогут свидетелю, если он будет привлечен к суду по ст. 182 УК. Но дела по этой статье редки, крайне невероятны основания к слушанию их при закрытых дверях, поэтому, если свидетель хорошо подготовлен к защите, он может надеяться, что против него просто не будет возбуждено никакого дела за отказ от дачи показаний.

Наказуем, собственно не отказ, наказуема не дача показаний, а также уклонение от них, т.е. бездействие. Поэтому свидетелю рекомендуется не просто молчать вместо дачи показаний, а непрерывно делать заявления, например, - о мотивах своего отказа, что является действием, до тех пор, пока следователь не перейдет к другим вопросам, на которые свидетель согласен отвечать, или не

отпустит его из кабинета. /Это важно потому, что в ст.ст. 13 и 14 УК речь идет о "действии"/.

Свидетель вправе, в случае некорректного поведения следователя или угроз с его стороны, а также при искажении смысла статей УК, воздержаться от дачи показаний и занести свои претензии в протокол. Одной из оплошностей следователя является задание свидетелю наводящего вопроса.^{x/} Вы должны потребовать записи вашего возражения в протокол под угрозой прекращения дачи показаний.

II. Свидетель и обвиняемый должны знать, что те данные, которые устанавливаются их показаниями, считаются доказательствами по уголовному делу.^{xx/} Не могут служить доказательствами фактические данные, сообщенные свидетелем, если он не может указать источника своей осведомленности.^{xxx/}

Итак, свидетель должен относиться к своим показаниям как к очень серьезным заявлениям. Если он что-либо знает, но не может указать источника своей осведомленности, от него не требуется говорить об этом, так как данные, которые он может сообщить, не могут служить доказательствами по делу, а он вызван для получения от него доказательств.

Если свидетель обещал кому-нибудь не рассказывать чего-либо,

^{x/} Наводящим можно считать, в частности, всякий вопрос, в какой-либо форме подсказывающий ответ.

^{xx/} См. ст. 69 УПК

^{xxx/} См. ст. 74 УПК

значит это обещание распространяется и на его ответы следователю.

Тут возникает вопрос о моральном праве и долге. Но если аморально само ведение данного уголовного дела, то сдержанное обещание следует считать высоким нравственным основанием для отказа от ответа на вопросы следователя и судей.

Следователь может знать о каких-либо событиях, но не имеет о них доказательств. Его сведения могут исходить от агентов КГБ или прокуратуры, но это агентурные данные, не подтвержденные показаниями, и они не относятся к числу доказательств.

То же самое относится к магнитофонным записям, кроме случаев, когда они были выполнены и хранились в условиях, исключающих возможность подделки. Поэтому, как правило, они не являются доказательствами, хотя допустимо использование звукозаписи на допросах.

Если вам предъявят звукозапись разговора, можно сказать, что это ничего не означает, так как надо еще доказать, что эта звукозапись не смонтирована. Во всяком случае, если от кого-нибудь добиваются подписи под протоколом - значит нужна именно его подпись, а не просто слова. Поэтому, если свидетель сказал то, чего он не должен был бы говорить, он еще многое может исправить, отказавшись подписать предложенный протокол.

Единственный случай, когда он не может исправить ошибку, это тот, когда он сообщил сведения, которые следователь собирает через своих агентов.

При невозможности давать показания в пользу обвинения по моральным соображениям, свидетель, уже давший письменные показания, но сделавший это с сожалением, поступит благородно и разумно,

если в последний момент разорвет протокол. В таком виде протокол не имеет доказательной силы.

Свидетель, обнаруживший ошибку в своих показаниях, может написать заявление в КГБ или прокуратуру и отказаться от них полностью на том основании, что он или следственные органы допустили ошибку или неточности. После этого возможен новый допрос, и готовность к таковому уместно указать в данном заявлении.

12. Свидетель^{x/} может нести ответственность по ст. 184 УК за незаконное разглашение данных предварительного следствия. Об этом, однако, следователь обязан в необходимых случаях предупредить свидетеля, взяв с него подписку о неразглашении. Эта ответственность аналогична таковой по ст. 182 и не связана с лишением свободы.^{xx/} Несмотря на эту ответственность, свидетель может настаивать на своем праве хранить при себе копию протокола допроса, мотивируя это необходимостью исправить возможные ошибки. Свидетель может практически осуществлять свое право уносить с допроса копии протокола, отказываясь что-либо подписывать, если ему не будет гарантирована возможность взять с собой составленные перед ответами черновики, равно как и копию протокола. Заверять

^{x/} Как, впрочем, и всякое другое лицо; разрешить разглашение могут прокурор, следователь и лицо, производящее дознание.

^{xx/} Защитой и в этом случае могут служить ст.ст. 13 и 14 УК. Кроме того, если допрашиваемый не был предупрежден прокурором, следователем или лицом, производящим дознание о недопустимости разглашения, таковое труднее признать умышленным преступлением, что ослабляет силу обвинения.

ее следователь не обязан. Разумеется, хранение этих копий при себе не означает их разглашения.

13. Суд. Если заседание происходит при закрытых дверях, или если установлены пропуска для входа в зал, то свидетель защиты должен помнить, что он один из немногих, кто имеет доступ на процесс и он должен быть заинтересован в том, чтобы остаться в зале заседаний как можно дольше. Подсудимому же уместно не сразу высказывать свое мнение о допросе свидетеля, без чего председательствующий не вправе удалить свидетеля /см. ст.283 УПК/. Каждый подсудимый и защитник может заявить, что в ходе заседания может возникнуть вопрос к свидетелю. x/

На практике эта статья /283 УПК/ нарушалась. На процессе Гинзбурга и Галанскова /январь 1968 года/ свидетелей удаляли из зала заседаний сразу же после допроса. В СССР свидетель предполагается незаинтересованным лицом, поэтому он не может рассчитывать, что ему дадут произнести речь. Он может включить в свои показания заявление о невиновности подсудимого. Свидетель должен различать

x/ В советском уголовном процессе свидетели предполагаются нейтральными. Они должны быть объективными и не делятся на свидетелей защиты и свидетелей обвинения, хотя эти термины, заимствованные из многих иностранных законодательств, иногда употребляются и в литературе о советском процессе. Свидетели делятся в СССР на тех, которые вызваны по ходатайству одной из сторон, т.е. обвинения или защиты, и тех, которые вызваны по инициативе суда. После дачи показаний в суде, свидетелю могут быть заданы вопросы, причем свидетелю, вызванному по ходатайству стороны, эта сторона вправе задавать свои вопросы прежде, чем другая сторона или суд /ст. 283 УПК/.

юридическое и повседневное значения некоторых важных слов, так как часто они расходятся.

Надо помнить, что КПСС, являясь исторически и политически основной руководящей силой советского общества, в юридическом отношении уступает блоку коммунистов и беспартийных. Депутаты в Верховный Совет СССР выдвигаются именно этим блоком. Под "советским общественным строем" подразумевается строй, соответствующий исторической руководящей роли КПСС. Это понятие не тождественно понятию "советского государственного строя", описанного Конституцией. Советский закон не содержит запрещения партий, как таковых, и образование партии, не являющейся антисоветской, не есть преступление. Термин "советская власть" юридически означает лишь власть, основанную на советской Конституции. Слово "клеветнический" соответствует определению клеветы, как распространение заведомой лжи порочающего характера /см. ст. 130 УК/. Слово "беспорядок" не может означать демонстрацию как таковую, поскольку свобода демонстраций и митингов установлена Конституцией.

125 статья Конституции устанавливает, что перечисленные в ней гражданские свободы гарантируются законом "в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя". Это не может означать, что эти свободы признаются лишь в тех случаях, когда осуществляются в указанных целях. Но если их осуществление противоречит этим целям, то они не охраняются законом /ст. 5 ГК/.

Смещение значений терминов - прием, постоянно применяемый

властями при составлении уголовных обвинений. Противостоять этому можно было бы, задавая властям вопросы - но власти не обязаны на них отвечать. Единственный момент в ходе следствия, как и суда, когда обвиняемый может добиваться уточнения смысла терминов, встречающихся в обвинениях - это тот, когда его спрашивают, понятны ли они ему. С этого вопроса /о том, понятны ли обвинения/ должен начинаться допрос обвиняемого как на следствии, так и на суде /ст.ст. 46^{х/} и 278 УПК/. При отрицательном ответе, вызванном двусмысленностью выражений, добросовестность требует от следователя или судьи устранения этой двусмысленности. К сожалению, отвечать отрицательно на вопрос "понятны ли вам обвинения?" для многих весьма рискованно, так как у следствия возникнет предлог направить обвиняемого на психиатрическую экспертизу. Лучше ответить более тонко: "не совсем, так как некоторые слова обвинения имеют двойной смысл".

Если обвиняемый не сможет таким путем добиться устранения двусмысленности, он может с пользой для себя заявить, что это вынуждает его давать показания с учетом каждого возможного истолкования обвинений, а потому это вызовет многословие и затяжку процесса.

14. Арестованный должен иметь в виду, что процессуальные сроки часто нарушаются, и притом не в его пользу. Законные

^{х/}Статья 46 УПК, перечисляя права обвиняемого, начинает с его права знать, в чем он обвиняется - что предполагает право обвиняемого, на любой стадии процесса, задавать следователю, прокурору и судьям вопросы, направленные на устранение из обвинений любых двусмысленностей.

мотивы продления ареста как меры пресечения - "особая сложность дела" и "исключительные случаи" - применяются каждый раз, когда власти сочтут это для себя удобным. Максимальная продолжительность пребывания под стражей как меры пресечения - 9 месяцев /см. ст.97 УПК/, но на практике время нахождения дела в суде исключается из этого срока. Законные основания к этому состоят лишь в том, что это время не должно засчитываться, если дело возвращается на следствие следователю, что не исключено до самого вступления приговора в законную силу, так что в ходе процесса очень трудно возражать против этой затяжки ареста. Постоянно нарушаются и сроки нахождения дела в суде как первой, так и кассационной инстанции. /О процессуальных сроках см. в УПК статьи: 103, 122, 97, 214, 221, 239, 320, 328, 333, 133, 373; см. также Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1965 г. № 3895-VI "О разъяснении статьи 34 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик", дополняющее ст. 97 УПК/.

На практике арестованным нередко приходится ждать суда около года, иногда дольше. Лучший совет арестованному на случай затяжки ареста - относится к этому времени, как данному ему для подготовки к процессу, так, чтобы подготовленность лишь возрастала. Это требует, прежде всего, спокойствия и твердости поведения.

15. Арестованный должен иметь в виду, что ему не предоставлено права личного участия в разбирательстве его дела кассационной и надзорными инстанциями. Все его участие на этих стадиях процесса ограничивается принесением замечаний на протокол суда первой инстанции, подачей кассационной жалобы и других письменных

заявлений, а также одной-двумя беседами с защитником.

16. Услугами защитника арестованный может пользоваться, как правило, только начиная с того момента, как ему будет объявлено об окончании следствия и предъявлены материалы по его делу /ст. 47 УПК/. Исключения предоставляются законом только несовершеннолетним и лицам, в силу физических или психических недостатков, неспособным себя защитить - в этих случаях, а также по постановлению прокурора и в других, защитник допускается с момента предъявления обвинения /не позже 10 дней после взятия под стражу/, но не раньше. Выбор защитника весьма ограничен для подсудимого. Незаконно установленная система "допусков" препятствует большинству адвокатов вести дела "политического" характера, а те адвокаты, которые обладают таким "допуском", тоже вынуждены считаться с произвольными ограничениями, которые не всегда можно преодолеть. Например, неожиданно возникают неопубликованные правила, запрещающие московским адвокатам вести дела в других городах. И помимо этого, адвокат должен получить от руководства своей Коллегии разрешение на ведение каждого "политического" дела, даже если он имеет "допуск" к этим делам. Возможность утраты "допуска" и даже исключения из Коллегии по мотивам, не указанным в законе, создает суровую дискриминацию адвокатов. Из-за этого лишь очень немногие из них решаются оспаривать в суде стандартные обвинения, не выдерживающие никакой юридической критики.

Если бы не было этой проблемы отсутствия адвокатов, не было бы и большой нужды в этой памятке. В существующих же условиях

каждый, кому могут понадобиться услуги адвоката в каком-нибудь "политическом" деле, должен сам заблаговременно овладеть нужными юридическими сведениями. Надо читать кодексы и вздумываться, как можно использовать многочисленные нормы и в чем могут состоять помощи.

Роль адвоката в суде не исчерпывается его речами. Даже посредственный адвокат может облегчить положение хорошо подготовленного подсудимого, пресекая попытки судей мешать ему говорить и вовремя задавая нужные вопросы. Если же, что случается часто, адвокат окажется совершенно неподходящим для подсудимого, последний может от него в любой момент отказаться /ст. 50 УПК/, что даст ему право на участие в судебных прениях, помимо последнего слова.

Поэтому каждому, кто серьезно опасается ареста хотя бы в неопределенном будущем, надо советовать заблаговременно найти хорошего адвоката, имеющего нужным "допуск" и желающего его защитить. Это трудно. Найдя такого адвоката, следует дать ему общую доверенность на ведение всех дел, что может помочь адвокату добиться своего участия в деле. Без этого все попытки арестованного добиться участия в деле выбранного им адвоката могут свестись к бесполезным разговорам со следователем. По истечении 5 дней с момента возможного появления адвоката в деле, следователь сможет пригласить адвоката по своему выбору /или по выбору Коллегии адвокатов, что не всегда лучше для обвиняемого/.

Хотя защитник вправе беседовать со своим клиентом наедине, надо помнить о возможности подслушивания таких бесед. Если нет

убедительных оснований доверять адвокату вполне, беседовать с ним надо также осторожно, как со следователем.

17. Угроза принудительного лечения висит над каждым арестованным, хорошо подготовленным к своей защите и не склонным к унижительным уступкам. В больнице специального типа /куда можно попасть в результате любого "политического" обвинения/ изоляция пациентов создает полную бесконтрольность для врачей. Пребывание в такой больнице не ограничено никаким сроком. Не все врачи плохи, но выбор врача совершенно не зависит от пациента. В трудных случаях даже "хороший" врач не будет торопиться с выпиской пациента. Год-полтора пребывания в такой больнице с последующим освобождением - удача, на которую нельзя рассчитывать, особенно тем, кто решил воздерживаться от любых конформистских речей. Есть много случаев, когда эта медицинская мера оказывалась страшнее того срока заключения, от которого она спасла пациента. Но есть - надо помнить - и много таких случаев, когда она явно оказывалась меньше из двух зол.

Что из них предпочесть - это вопрос, не поддающийся общему решению. Каждый, находясь в опасности и перед выбором, должен решить его сам.

Свидетель поступит крайне безнравственно, если своими показаниями или другими высказываниями попытается влиять на назначение или исход судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, не просившего его об этом. Обычно свидетель - не психиатр, и этого достаточно ему для отказа отвечать на вопросы психиатрического характера. Он должен помнить и о том, что помощь его тому, кто

предпочитает больницу наказанию, была бы лишь незначительной, такие лица добиваются своей цели обычно без помощи свидетелей.

Теперь несколько советов на тот случай, когда свидетель не желает давать показания и делает это только в силу своей обязанности:

а/ явившись на допрос, не начинать давать показания до тех пор, пока следователь не скажет ему, по какому делу он вызван;

б/ не называть никаких фамилий и не давать никаких сведений о лицах, фамилии которых следователь не произнес;

в/ не писать и не подписывать ответов и других показаний, в которых встречаются новые фамилии и другие сведения о лицах, фамилии которых еще не встречались в вопросах, написанных следователем;^{х/}

г/ не упоминать, по возможности, лиц, против которых дело не возбуждено;

д/ помнить, что любое, даже самое невинное, упоминание чьей-либо фамилии может неожиданно оказаться серьезным промахом. Этого может быть достаточно, чтобы вызвать упомянутое лицо на допрос;

е/ отказываться отвечать на вопросы, если допрашивает не ваш следователь, а другое лицо;

ж/ отказываться считать допросом свидетеля любую беседу, на которую вас вызвали иначе, чем указано в ст. 155 УПК, т.е. без повестки, телеграммы или телефонограммы.

^{х/} Конечно, этот совет не распространяется на случаи, когда надо назвать чью-либо фамилию.

В заключение этой памятки я остановлюсь на вынужденных "беседах", не являющихся допросами, и на значении различного рода обязательств или обещаний, часто вынуждаемых властями в ходе таких бесед. "Власти", о которых я сейчас говорю - это администрации учреждений, партийные и другие влиятельные общественные организации, милиция, а также медицинские власти в психиатрических учреждениях.

Прежде всего, обязательства представляют собой сделки /см. ст.41 ГК/, а сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, недействительны /ст. 12 ГК/. В частности, недействительны обязательства, ограничивающие, по сравнению с законом, свободу действовать самостоятельно, т.е. не спрашивая ничего разрешения /ограничение дееспособности/. Согласно ст. 3 ГПК, недействителен отказ от права на обращение в суд /а право на обращение в суд за "защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса" признается за каждым заинтересованным лицом/.

Конечно, в моральном отношении намного лучше избегать давать какие-либо обещания либо иные заверения, чем идти на односторонние уступки /часто неверно называемые "компромиссами"/ и затем оправдывать нарушения тем, что они явились вынужденными. Бывает весьма полезно в беседах с властями /в том числе с врачами, вынуждающими обязательства угрозами продолжения психиатрической госпитализации/ напоминать о юридической и моральной ничтожности предлагаемой сделки. В этом может состоять прекрасный способ уклонения от таких заверений.

Конечно, на практике вопрос о том, соглашаться или нет на участие в незаконно вынужденных беседах, может оказаться сложнее любых юридических советов о поведении на допросах. Правила, рекомендуемые на допросах, не следует автоматически распространять на вынужденные беседы другого рода. Например, заверения, поскольку их все же приходится давать, часто бывает предпочтительнее давать в письменном виде, сохраняя у себя их копию во избежание их последующего превратного истолкования.

Даже для административных ограничений или предупреждений, возникающих в законном порядке, законодательство обычно предусматривает не более, чем годичную длительность. Поэтому, независимо от предыдущих доводов о недействительности вынуждаемых во время бесед обязательств, тем более недопустимо, чтобы таким обязательствам приписывалась большая длительность в тех случаях, когда они были даны под давлением незаконных угроз.

Судьба Семена Глузмана

Из Москвы дошли мрачные сведения — Семену Глузману собираются увеличить срок.

Не всякому на Западе известно, кто такой Глузман. Тем более непонятно, что значит увеличить срок. Я объясню. Я хочу привлечь внимание всех без разбора, правых или левых, к судьбе этого человека. И судьба, и сам человек заслуживают того, чтобы о нем все знали.

Я его знаю очень хорошо. Он мой друг. Но не только потому я заступаюсь за него. Я делаю это потому, что для нас, русских, этот молодой, такой мягкий и деликатный в жизни человек стал образцом мужества и стойкости. И за это его ненавидят власти. Они любят покорных, не задумывающихся, исполнительных, оболваненных.

Четыре года тому назад Семена или, как мы все, друзья его, называем, Славику, судили. Это было в декабре 1972 года. Присудили к семи годам лагерей усиленного режима и к трем годам ссылки. За что?

В приговоре, который с трудом расслышали родители Славики (на руки его не дали, на суд никого не пустили, в том числе и меня, а родителями решили присутствовать только при чтении приговора), сказано было, что обвиняется он в чтении и распространении нездоровых изданий — Сол женщины, речи Генриха Белля (не помню уже, какой) и пародии одного советского писателя на другого, властями почитаемого. И все! И за это семь лет и три года ссылки...

Есть основание предполагать, что главная причина озлобления против Глузмана не какие-то там пародии, а написанная им заочная экспертиза (сам он по профессии врач-психиатр) на материал «Истории болезни» известного борца за права человека генерала Петра Григоренко,

ОБРАЩЕНИЕ В. НЕКРАСОВА

томившегося тогда в психиатрической больнице, все за то же — непокорность. Экспертиза эта получила широкий резонанс, особенно за границей. В приговоре о ней ни слова, доказать авторство судебным властям не удалось.

Есть и еще одна причина, совсем уже подспудная. Семен Глузман был другом Леонида Плюща, был и моим другом, почти членом семьи. А так как именно с этого, 72-го года, я стал властям особенно неугоден, они, не трогая еще меня, стали расправляться с моими друзьями. Попытались создать вакуум, чтобы и мне было плохо, и друзьям страшно. Начали с Глузмана.

Потом лишили работы и исключили из партии другого моего друга, кинорежиссера — он отжалился зайти ко мне во время производившегося у меня обыска. Третий, тоже зашедший совершенно случайно молодой учитель, поплатился за это двумя годами тюрьмы (у него в портфеле, видите ли, лежала нездоровая книга...).

Вот так это и делается.

Судил Глузмана судья Дышель. В Киеве это известная фигура. Специалист по инанкомисьям. На его счету не одна жертва. Не скрою, во времена процесса мы надеялись найти к нему пути. Через знакомых. Выяснилось, что он, Дышель, очень, мол, симпатизирует своему подсудимому (какой молодой, честный, правдивый!) и перед вынесением приговора ночь не спал... Но ночь прошла, и совесть этого впечатлительного судьи (уточним: в виде телефонного звонка из КГБ — у нас это так делается) подсказала ему тот самый суровый приговор.

Прошло четыре года. Дышель по-прежнему судит в Киеве, а Глузман уже полсрока

отсидел в лагере. Только полсрока, но хотят уже добавить... Почему?

А потому, что скромный и деликатный на вид С. Глузман стал любимцем лагеря, стал одним из первых борцов за права заключенных. Он объявляет голодовки. Он пытается добиться, чтоб лагерные власти выполняли ими же придуманные правила, которые они не выполняют, борется против издевательств, побоев... А власти этого, ох, как не любят...

И не только голодомием борется Глузман с произволом. Он умудрился, вместе со своим другом Владимиром Буковским, из-за коложей проволоки, не боясь карцера и прочих наказаний, передать свободному миру весьма интересный документ. Называется он «Инструкция для людей, попадающих в психбольницы».

В ней рассказывается и объясняется, как надо себя вести здоровому человеку, попадающему в руки психиатров. Тех самых психиатров, которые умеют превратить здорового человека в полуживотное. Это тоже не поправилось властям... И вот сейчас они готовят новое наказание.

Я кончаю. Когда Глузмана посадили, ему было 25 лет. Он почти не знал жизни. Успел только окончить медицинский институт и никак не мог по-настоящему устроиться на работу. Наконец устроился. На «Скорой помощи». Оттуда его через несколько дней и взяли.

Сейчас он познает жизнь в лагере. Когда отсидит и вернется из ссылки, ему будет 35. А если прибавят? А прибавят у нас могут сколько угодно. Я знаю людей, которые таким вот образом просидели и 20, и 30, и даже 40 лет...

Когда мировая общественность возмущает свой голос в защиту кого-либо, к ней прислушиваются. Она уже освободила Плюща. Пусть же она заступится и за Семена Глузмана, которым по праву мы все, и не только русские, можем гордиться.

В. Некрасов

В. БУКОВСКИЙ

С. ГЛУЗМАН

ПОСОБИЕ ПО ПСИХИАТРИИ ДЛЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

ПОСОБИЕ ПО ПСИХИАТРИИ ДЛЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

/ЛЕНЕ ПЛЮЩУ - жертве психиатрического террора посвящается/

Пушкин: Ты сам оумасшедший!
Чаадаев: Почему я сумасшедший?
Пушкин: Ты понимаешь равенство,
а сам в рабстве живешь.
Чаадаев: /задумываясь/: Отсюда
ты прав: я оумасшедший
А. Платонов "Ученик лица".

ВСТУПЛЕНИЕ. В настоящее время общеизвестно большое число случаев признаний диссидентов в СССР душевнобольными и есть основания опасаться еще более широкого применения этого метода. Объяснить такое явление не сложно. С одной стороны, метод этот весьма удобен для власти - он позволяет лишать свободы на неограниченно долгий срок, строго изолировать, применять психофармакологические средства для "перевоспитания", затрудняют борьбу за гласность судопроизводства, за освобождение таких лиц, поскольку даже у самого объективного, но незнакомого с таким больным, человека всегда остается сомнение в его психической полноценности, лишает жертву метода преследования даже тех прав, которые имеет заключенный, дает возможность дискредитировать идеи и поступки диссидента и т.д. и т.п.

Однако есть и другая, не менее важная сторона. Будучи, как правило, хорошо подготовленными юридически, чтобы не допустить ошибок на следствии и суде, диссиденты оказывались абсолютно беспомощными перед лицом квалифицированного психиатра, имеющего установку сверху призвать их невменяемыми. Все это не могло не породить нового страха и растерянности в среде диссидентов, что явилось причиной неожиданных "раскаланий" и отречений последнего времени. Таким образом, страх перед преследованием, рассеянный знанием закона и умением его применять, возродился вновь в лице судебной психиатрии. Распространилось настроение обреченности, невозможности бороться с таким методом преследования.

Все это делает необходимым обобщить в едином пособии известный опыт многих экспертиз и основные положения психиатрической теории в объеме, нужном для правильного поведения, которое давало бы как можно меньше поводов для признания подэкспертного невменяемым. Авторы данной работы, бывший "душевнобольной" и бывший психиатр, надеются, что объединив опыт с профессиональным знанием предмета, им удастся сделать настоящую работу полезной для достижения указанной цели.

Пособие отнюдь не претендует на исчерпывающий анализ проблем психиатрической науки, некоторые моменты сознательно упрощены, т.к. пособие рассчитано на самого широкого читателя.

Правовая часть /схематически/. Вы можете встретиться с психиатром и без нашего на то согласия в таких трех случаях:

1. Принудительное обследование или принудительная госпитализация в рамках медицинских нормативных положений.

Ваши убеждения, высказываемая общественная позиция, поступки или знакомства стали причиной пристального внимания к вам со стороны оперативной группы КГБ. В силу каких-либо объективных обстоятельств возбуждение уголовного дела против вас нежелательно. В этом случае КГБ /часто не прямо, а используя милицию, прокуратуру, советскую инстанцию доверенных лиц и т.д. и т.п./ сообщает о вас в медицинские учреждения, как о, по их предположению, душевнобольном, указывая при этом основания интереса к вам.

Психиатро-поликлиники, диспансера, больницы или городской станции скорой помощи должен вас в этом случае обследовать и, если считает необходимым, госпитализировать в психиатрическую больницу общего типа.

Такое психиатрическое обследование может быть проведено на дому, по месту работы или "происшествия", в камере предварительного заключения, в надлежащем учреждении либо в другом месте.

Если психиатр находит, что у вас уже есть признаки болезни, в степени, не требующей наблюдения и лечения в психиатрическом стационаре, то вас возьмут на учет в психиатрическом диспансере или психиатрическом кабинете поликлиники. В психиатрическую больницу общего типа вас могут поместить по следующим показаниям: /1/ психическое расстройство, сопровождающееся опасностью для себя; /2/ психическое расстройство, сопровождающееся опасностью для окружающих; /3/ психическое расстройство, квалификация которого возможна лишь при стационарном обследовании; /4/ выраженное психическое расстройство, успешное лечение которого невозможно в обычных амбулаторных условиях; /5/ состояние "острого психоза" /т.е. то, что в простонародье называют буйством./

Снятие с амбулаторного психиатрического учета или выписка из стационара зависят формально только от медицинских показаний /т.е. от врача-психиатра/.

Если ваше состояние определено врачом как болезненное, отправка /в условиях психиатрического стационара/ и разбор ваших жалоб, заявлений, ходатайств и писем целиком зависит от профессиональной грамотности и совести врача, т.к. законом возложены на него. Родственники, знакомые и иные заинтересованные лица могут обращаться с просьбами и претензиями, касающимися вас, в медицинские инстанции /гл. психиатру СССР, республики, области, края, города, района./

В психиатрической практике, как и в любой форме человеческой деятельности, не исключены ошибки; закон не определяет наказуемость врача за профессиональную ошибку.

Это положение может быть использовано властями для объяснения принудительной госпитализации, затем оказавшейся неосновательной. По этой же причине мало компетентный или морально неустойчивый психиатр может дать неправильное заключение о вашем психическом состоянии без всякого ущерба для себя и будущего.

II. Судебно-психиатрическая экспертиза после возбуждения уголовного дела. После избрания по отношению к вам меры пресечения /как правило, арест/ органы следствия или прокуратуры могут направить вас на судебно-психиатрическое исследование. Для этого составляется документ с изложением ваших высказываний или поступков, вызвавших сомнение в вашем психическом здоровье.

Обычно следователь /или прокурор/ не объявляет о таких сомнениях и не показывает соответствующих документов. Не объявляет он и о самом факте предстоящего экспертизирования, ни о сроках и месте его.

Судебно-психиатрические исследования производятся врачами-психиатрами комиссионно /не менее трех человек/. Вас могут подвергнуть таким видам судебно-психиатрической экспертизы: 1 - амбулаторной, 2 - стационарной.

Амбулаторная экспертиза обычно проводится в медицинском учреждении или в помещении соответствующего изолятора: ее длительность от нескольких минут до нескольких часов.

Стационарное экспертизирование производится в психиатрических стационарах /институт судебной психиатрии им.Сербского в Москве; экспертные или обычные "острые" отделения психиатрических больниц общего типа, психиатрические отделения тюремных больниц/.

Срок стационарной экспертизы законом не оговорен, обычно ее продолжительность от недель до нескольких месяцев.

Решение экспертной комиссии вам, скорее всего, не объявят, если вы будете признаны неизменяемым. С этого момента к вашему делу допускается адвокат, а вас, скорее всего, отстранят от участия в следственных действиях.

Закон допускает производство повторной и дополнительной экспертизы, их число не ограничено. На следователя /или прокурора/ возложен выбор единственно правильного экспертного заключения, если мнение экспертных комиссий расходится.

Обычно неизменяемый в зал суда не приглашается и судебное определение по его делу ему не объявляют.

Иногда экспертиза производится в суде. По сути, она ничем не отличается от обычной амбулаторной. По решению суда могут быть приостановлены судебные действия в связи с направлением подсудимого на стационарную экспертизу. Вид больницы /общего типа или специальная психиатрическая больница МВД/, куда направляется неизменяемый, определяет суд. Такой вариант определения судом, как наблюдение психиатром по месту жительства без принудительной изоляции, маловероятен.

III. Если вы свидетель по чьему-либо делу, также возможно амбулаторное принудительное экспертизирование. В этом случае формальный повод связан с возникшим у следователя /прокурора, суда/ сомнением в вашей способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания. Стационар-

ное экспертирование в этом случае возможно только с вашего на то согласия /надеюсь, что вы его не дадите/.

Нотариальное право предоставляет вам возможность в порядке обеспечения доказательств заблаговременно запастись объективными заключениями психиатров о вашем психическом состоянии. По вашей письменно заявленной просьбе нотариус вынесет постановление о назначении экспертизы с указанием ее вида и места проведения. Вам остается только одно - оплатить этот формальный вид нотариальной помощи и сделать все необходимое, чтобы в случае ареста и попыток признать вас душевнобольным это психиатрическое заключение о вас стало общеизвестным. /См. Положение о государственном нотариате РСФСР, ст.ст.66,67 и "Инструкция о порядке совершения нотариальных действий в государственных нотариальных конторах РСФСР", шп.139-146/.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПСИХИАТРИИ

"Где не хватает нам понятий на место их приходят во-время слова" /Гете "Фауст"/. Принципы деятельности человеческого мозга до сих пор неясны. Нейрофизиология и другие конкретные науки о мозге пока не в состоянии понять "психическое" явление психической патологии. Столь же загадочны и мало уложимы в строгие рамки системной науки понятия здоровья и болезни; расплывчатость понятий, характерная для медицины вообще, особенно выражена в психиатрии. Сумасшествие рассматривают и как биологическую и как социальную /историческую, философскую правовую/ проблему.

В целом, в современной психиатрии нет обоснований к применяемой системе категорий, даже классификаций болезней психики. Так, на диагностическом симпозиуме в Ленинграде двадцать ведущих психиатров страны одному и тому же больному поставили двенадцать диагнозов.

Все психиатрические заболевания можно разделить на две группы: 1/ псевдоопределенные, условно выделенные в самостоятельные формы из хаотического багажа фактов, накопленного за века; 2/ истинные, с известной науке причиной и характерной динамикой. Если модель первых чисто риторическая, то вторые обоснованы конкретными научными открытиями и модели их "демонстративны".

Основным методом психиатрического клинического исследования до сих пор остается субъективное наблюдение за испытуемым, за его поведением, речью, памятью, и т.п. Наряду с этим используются опять же субъективные сведения об испытуемом, полученные от его окружающих, знакомых, родственников, официальные документы и прочее. Другие методы /лабораторные анализы, электроэнцефалографические исследования/ имеют второстепенное значение.

Аморфность границ психической болезни не очень занимает практических врачей, так как лечение, чаще, определяется не диагнозом, а отдельными болезненными проявлениями.

В психиатрической теории нет общепризнанных эталонов "здоровья" и "болезни". Существует масса абстрактных концепций, от философских до кабернетических, абсолютно непригодных для психиатри-

ческой практики. И все же ежедневная деятельность врача невозможна без применения пусть условного эталона здоровья. Поэтому в практической психиатрии пользуются условным эталоном психиатрического здоровья, удобным, простым и понятным, т.н. эталоном "рантье, стригущего купоны". "Рантье" - это человек "невысокого интеллекта, буржуа по своим вкусам; скорее цивилизованный, чем культурный, не желающий риковать....., довольствующийся невысоким, но прочным общественным положением / "с высоты высоко лететь"/, не увлекающийся; лишенный способности к какому-либо творчеству, оплот любой власти; путеводным маяком в жизни ему служит инстинкт самосохранения. Жизнь его однообразна, но зато спокойна: он считает свой жизненный стиль единственно правильным, самым мудрым и безопасным в океане невзгод, рывков и катаклизмов нашего существования.

Концепция "рантье" не является научной, в советской психиатрической литературе ее не упоминают вообще. А практические врачи: хотя и не всегда сознательно, пользуются ею в своей ежедневной деятельности; разумеется, не как жестким раз и навсегда определенным эталоном. /Ниже вы поймете, почему концепция "рантье" близка так называемому "среднему психиатру"/.

Инакомыслие как проблема психиатрии

Свобода каждого из нас как личности ограничена интересами общества. Закон и мораль являются носителями таких ограничений. Поведение не нарушающее закон душевнобольного "глупое", "странное", и т.п., для общества нежелательное.

Защитой граждан от такого поведения и занимается психиатрия. Существование насильственной психиатрической госпитализации оправдано не только с точки зрения медицины, но и с социальной. И если "здоровье" - "это желаемое поведение", а "болезнь" - "нежелательное", то социальная цель психиатрии состоит в превращении нежелательного поведения в желаемое. Таким образом, насилие над психически больным индивидуумом оправдано ввиду пользы для общества. Это использование "зла в добро" стало причиной отпочковывания от классической психиатрии Запада "антипсихиатрического" течения.

"Антипсихиатры" заявляют: "сохранением психиатрической науки является подавление революционного подсознательного во имя государства; история психиатрии есть история методов; с помощью которых общество добивалось исчезновения психического сопротивления против господствующих условий жизни".

Согласитесь, при аморфности категории, при наличии множества "психиатрических научных школ" вполне возможно неправомерное расширение психиатрической компетенции.

А в условиях "социального заказа", практикуемого тоталитарным режимом того или иного государства, границы психиатрической нормы определяются скорее сиюминутной необходимостью, нежели по научным и историческим мотивам /Сравните у "антипсихиатров": психиатрия, выполняя заказ классового общества, всегда превращала революционеров в психопатов/.

Использование в СССР в качестве карательной меры психиатрии экидется на сознательном толковании инакомыслия /в известном смысле этого слова/ как психиатрической проблемы. В монографии "Теория и практика судебно-психиатрической экспертизы" проф. Д.Р. Луцк утверждает, что любое противоправное деяние, именно в силу одной противоправности своей, подлежит психиатрическому анализу /чем не концепция "рантье"/, обосновывая это тем что в условиях социализма нет социальных причин для преступных действий. Капитализму Луцк оставляет преступность, как явление, вытекающее из его социальной дисгармоничности.

Экскульпация, т.е. признание неменяемости инакомыслящих, в той или иной форме выражающих свое несогласие с отдельными моментами внутренней и внешней политики советского правительства, проводится целенаправленно. Для этого используется, в основном, два психиатрических диагноза: вялотекущая форма шизофрении и паранойальное развитие личности. Остальные диагнозы почти не выставляют т.е. в них инакомыслие не вписывается даже теоретически /к вашему счастью, иначе пришлось бы знакомиться с психиатрией в более полном объеме./

Вялотекущая шизофрения. Цитируем опытного эксперта профессора Тимофеева: "Трудностей в диагностике становится больше по мере изучения мягких и стертых форм шизофрении /т.е. вялотекущей шизофрении - Б. и Г./". Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными, т.к. некоторые психиатры не признают названной формы заболевания, другие говорят об их относительной самостоятельности. В другой работе Тимофеев утверждает: "Инакомыслие может быть обусловлено болезнью мозга, когда патологический процесс развивается очень медленно, мягко /вялотекущая форма шизофрении - Г./, а другие его признаки до поры до времени /иногда до совершения криминального поступка/ остаются незаметными". Итак, проф. Тимофеев признает существование вялотекущей шизофрении: "Поскольку именно этому возрасту /20-29 лет - Б. и Г./ свойственны повышенная конфликтность, стремление к самоутверждению, неприятие традиций, мнений, норм и т.д. Это является предпосылкой создания мифа о том, что некоторые молодые люди, которые в действительности больны шизофренией, напрасно помещаются в психиатрические больницы, что они содержатся там якобы потому, что думают не так, как все."

Под вялотекущей имеют в виду шизофрению, где все проявления болезни выражены в степени "едва", "мало". А таких явных симптомов, как наличие галлюцинаций, нет вообще. Вот наиболее характерные для нее симптомы /дано по учебнику для студентов медицинских институтов/: замкнутость, вялость, снижение интереса к жизни, стертые явления пессимизма к меланхолии; сосредоточенность на внутренних переживаниях, неадекватные мысли и поступки, косность и негибкость убеждений, подозрительность и т.п. А если вы замкнутый человек, склонны к самонализу, некоммуникабельны, если вы не желаете менять своих убеждений, т.к. не считаете их "бесполезными", если объективно существуетая за вами слежка, прослушивание телефонных разговоров оценивается как "подозрительность", а то и "бред преследования" - вывод ясен... Не спасет вас и то, что вы успешно справляетесь со служебными обязанностями, с творческой работой, проявляете интерес к ней и даже "растете" в профессиональном отношении. Хотя формально наличие психической патологии не исключает изменности, ваша экскульпация будет предпринята.

По данным института судебной психиатрии им.Сербского, примерно половина больных вялотекущей шизофренией признается дееспособной. Но нам неизвестны случаи признания шизофреника вменяемым. Опытнейший эксперт проф.Луцк считает целесообразным введение в гражданское законодательство понятия "ограниченной" или "частичной" дееспособности и сознательно совершает преступные экскульпации здоровых людей, ибо "каждый класс, каждая профессия имеет свою моральную этику". /Справка: ограничение дееспособности и вменяемости действительно необходимы: существуют как законодательные положения в юриспруденции всех культурных государств/.

Паранойяльное развитие личности. Диагноз столь же спорный и не конкретный. Чтобы понять, что кроется за этой терминологической шапкой, необходимо знать следующее: 1/ в психиатрии различают 3 вида идей /кроме обычной идеи/: а/ доминирующая идея - наблюдается у здоровых людей, охваченных каким-либо стремлением и всецело поглощенных вынашиваемой мыслью; б/ сверхценная идея /патологическая/ - это умозаключение, обычно рационального содержания, но необоснованно переоцениваемое в его значении. Объективное значение сверхценной идеи ничтожно в сравнении с субъективной оценкой ее индивидуумом; в/ бредовая идея /патологическая/ - это ошибочное умозаключение, не имеющее под собой реальной основы, не поддающееся переубеждению. Совокупность бредовых идей называют бредом.

2/ Среди нескольких видов бредов нас интересуют два: а/ бред реформаторства - улучшение условий жизни может быть достигнуто только путем пересмотра сложившихся взглядов, соответственно его идеи о перестройке действительности. б/ Бред сутяжничества - не соответствующее действительности убеждение, что его личные права индивида нарушаются, попираются; мотивы становятся "понятными", направляется много жалоб и заявлений с требованием восстановить "справедливость".

3/ Психопатией называют патологическое развитие характера. В ряду с этим существуют и крайние варианты нормального характера - границы их с психопатией неопределенны; границы расплывчатые. В динамике психопатией рассматривают период компенсаций /в социальном отношении/ и декомпенсаций.

Из всех групп психопатий нас интересует одна - паранойяльная психопатия. Она характеризуется подозрительностью, мнительностью, высокой степенью готовности к образованию сверхценных и бредовых идей; ригидным, односторонним, тугоподвижным мышлением; длительным застреванием на переживаниях, связанных с незначительным событием. В конфликтной ситуации у паранойяльных психопатов возникает паранойяльные реакции. Из них со временем формируется паранойяльное развитие личности, то есть острая система бреда, в нашем случае, сутяжничество или реформаторство.

Схема: возникает доминирующая идея, затем сменяется сверхценной, наконец, - бредовой; развивается стройная /то есть внешне убедительная, не абсурдная/ бредовая система, /систематизированный бред/ затем образуется систематизированный бред преследования с тенденцией переоценки собственной личности /все трактовки даны в соответствии с курсом психиатрии для студентов мединститутов СССР/. Как видите,

доказательность этого вида психической патологии весьма относительна. И наоборот: попробуйте доказать, что ваши суждения об оккупации Чехословакии или об отсутствии в СССР демократических свобод - не ошибочные суждения, не имеющие под собой реального основания. И что не является "бредом преследования" слежка за вами и вашими близкими. И субъективная ваша оценка внутривластной жизни в СССР отнюдь не ничтожна в сравнении с действительными фактами... И "освобождению" вас от занимаемой должности после того, как вы в числе других подписали "заявление протеста", является попранием ваших прав... Эксперты из Института судебной психиатрии доктор мед. наук Печерникова и Косачев прямо указывают: "Наиболее часто идеи борьбы за правду и справедливость формируются у личностей параноидальной структуры"; или "Сутяжно-параноидальное состояние возникает после психо-травмирующих обстоятельств, затрагивающих интересы испытуемых, и несут на себе печать ущемленности правовых положений личности"; или "Характерной чертой этик /сверхценных - Б. и Г./ образований является убежденность в своей правоте, охваченность отстаиванием "погранных прав", "значительность переживаний для личности больного"; или "Судебное заседание они используют как трибуну для речей и обращений". А как оценить психиатрам психическое состояние Георгия Дмитрова, выступавшего с речью на суде!.. И многих других общественных деятелей с их всепоглощающей верой в идеал и отказом от личной жизни?.. Быть осторожным, не очень умным, "себе на уме" - значит быть здоровым. А горе - от ума. Остается ввести в психиатрию официально новый вид психической патологии под названием комплекса Чацкого.

И последнее. Сам по себе диагноз параноидальной психопатии и параноидального развития личности отнюдь не означает необходимость экзеклюции. Так, по официальной статистике Института Судебной психиатрии 95,5% признают вменяемыми. Но это - в теории. С инакомыслящими - статистика иная, она не публикуется. Печерникова и Косачев, подробнейшим образом описав "картину" сутяжно-параноидального развития, "забыли" сообщить проценты экзеклюцированных "параноиков-сутяг".

ПСИХОЛОГИЯ ПСИХИАТРА

XX век поставил перед нами проблему коммуникабельности. Сегодня с трудом понимают друг друга представители разных профессий, разговаривающие на одном языке. В кабинете психиатра от вашей коммуникабельности будет зависеть очень многое. Постарайтесь чтобы эксперт понял вас именно так, как это именно необходимо вам: сделайте все возможное, чтобы "установка" эксперта на вашу невменяемость, если таковая у него будет, не превратилась в аргументированный вывод. Помните: психиатр - обычный человек, не обладающий сверхъестественными способностями. Бытующее в определенной сфере мнение, что психиатр может "взглядом проникнуть в душу, читать мысли или заставить говорить правду" - абсурд. Никакие терапевтические, гипнотические, фармакологические воздействия не могут раскрыть ваши потаенные мысли, заставить говорить, если вы этого не желаете. Не всегда состоятельно и представление о чрезвычайно высоком интеллекте психиатра, его глубоком знании человеческой психологии /в бытовом значении слова/.

Психиатр - это врач, большую часть времени проводящий в стенах психиатрического учреждения, среди душевнобольных. Он привык видеть страдания, буйства, самые невероятные извращения, горе. Его пациенты -

безумцы, дети и взрослые, женщины и мужчины. Поэтому само по себе желание человека выбрать именно эту профессию и успешно выдерживающего в психиатрии "испытательный срок" /для многих критический / предполагает некоторые первичные особенности личности. Годы ежедневного пребывания на этом "кладбище погибших рассудков" накладывает свой отпечаток на личности врача, необратимо меняет его.

Вот наиболее характерные типы врачей-психиатров.

Начинающий психиатр: искренне любит психиатрию, считает ее полноценной научной дисциплиной. Из-за недостатка жизненного и профессионального опыта и малого объема знаний усматривает психическую патологию там, где ее заведомо нет. Не понимает искусственности психиатрических концепций. Поэтому в работе легко внушаем, может искренне "выявить" у вас психическую патологию. В судебно-психиатрических экспертных комиссиях участия не принимает, опасен, так как не он будет решать вашу судьбу.

Типы зрелых психиатров следует рассмотреть более подробно. Именно они предрешают ваше будущее.

Ученый - сохранил "жюветескую" страсть к психиатрии, считает ее своим призванием. Для него психиатрия - научная дисциплина /хотя и с оговорками/. Как правило, не относит к инквизиции и психиатрической компетенции. Не любит участвовать в экспертизе невменяемости: "Я врач, а не следователь"... Достаточно трезв, чтобы понять конъюнктуру, но постарается "не пачкаться": помогите ему своей правильной тактикой.

Диссертант - главная особенность: бессознательно расширяет границы заболевания, описываемого в диссертации. Убедите его своим поведением, что в качестве "материала" вы не подходите.

Большевик - умный, опытный человек и психиатр. Давно разочаровался в психиатрии как науке. Высокий интеллект, любит искусство, литературу, может помногу говорить о них. Социально инертен, т.к. не верит в успех каких-либо социальных преобразований /мудрость эклезиаста/; не исключается внешняя общественная позиция по "курсу". Трусоват, циничен. Прекрасно понимает конъюнктуру, не даже под "давлением" признает вас психически здоровым, причем в силу своей трусости сделает это убедительно наглядно, чтобы снять с себя подозрение в "симпатиях" к вам; "чтобы комар носу не подточил".

Обыватель - интеллект и специальные знания не выше среднего. Себя считает умным и опытным врачом, а свой жизненный стиль - желательным эталоном для других. В рамках "общего курса" социально активен, хорошо развита приспособляемость к внешним условиям /"социальная имитация"/. Не понимает таких явлений как сирреалистическая живопись /разве лошади летают?/, современная поэзия /"а где же ритмы?" / и т.п. Искренне считает аномальной вашу социальную позицию; основные аргументы: "Ведь была квартира, семья, работа. Зачем же вы?".

С этими современными "рантье" не рекомендуем говорить об абстрактных предметах, философии, физических теориях т.п., о современном искусстве - старайтесь оставаться на его уровне. Опасен, может выявить психическую патологию, легко поддается давлению свыше, себя

всегда оправдывает /в своих глазах/ ссылкой на авторитеты, психиатрическую "школу".

Профессиональный палач - сознательно совершает экукультацию психически здоровых людей. Обычно грамотный специалист. Поэтому единственная ваша возможность - не дать ему ни одного "симптома". В этом случае из своеобразного профессионального самоуважения может не захотеть пачкаться "явной липой".

Практические рекомендации о вашей тактике

Карательные службы имеют перед инакомыслящими одно важное преимущество: они активно-аморальны. Принцип "цель оправдывает средства" используется государством против граждан, уподобившихся мальчику из известной сказки Андерсена о голом короле. Научнообразные положения о классовости морали позволяют быть откровенно безнравственным по отношению к "врагам советского народа и социалистического строя". А что - мораль? - моральна правда, но не ложь, моральна искренность, морально сочувствие и т.п. Инакомыслящие, как правило, приемлют именно такую "внеклассовую" мораль. Вот что это означает в условиях предварительного следствия, суда, психиатрической экспертизы: 1/ давать правдивые показания на все интересующие КГБ или суд вопросы, заведомо патрубные для себя как экспертирующегося; 2/ "наталкивать" КГБ и суд на известные им обстоятельства и мотивы, давать эксперту необходимую ему "симптоматику"; 3/ позволять невольную слабость по отношению к следователю, которому "крайне необходимо успешно вести следствие", к овидетелю, струсившему "из боязни потерять должность" и т.п. К сожалению, это факты. Лгать - скверно; но учтите: от вашего желания и умения быть неморальным по отношению к лицам и организациям, исповедующим мораль готтентота, зависит ваша судьба. На опыте сотен товарищей и собственном мы утверждаем: абстрактная моральность, определяющая поведение подследственного, подсудимого и экспертирующегося, противоречит его жизненным интересам. Ваше правильное поведение в период психиатрического исследования /как и следствия, суда/ включает в себя не только необходимые элементарные знания из теории и практики, но и "заземленную" моральность. /Все ваши рекомендации рассчитаны на некоего усредненного диссидента". Понятно, мы не можем учитывать все многообразие индивидуальных обстоятельств, интересов, судеб. Бовсе не обязательно следовать какой-либо конкретной рекомендации, если это объективно противоречит реальности. Мало того, это вредно. Бессмысленно, например, отрицать травму головного мозга в прошлом, если об этом имеются указания в документах; заикайтесь, если вы заикаетесь и прочее. Желательно, чтобы ваши потенциальные свидетели сумели дать столь же правильные и "чистые" показания о вашем психическом облике. Сведения, сообщаемые вами врачу, могут не совпадать с материалами следственного дела. Во-первых, закон не воспрещает подозреваемому или обвиняемому заведомо ложных показаний; во-вторых, сведения, имеющиеся у экспертов, не будут тайной.....КГБ /в советском праве врачебная тайна существует как чисто формальная категория/, не могут быть использованы в материалах следственного и судебного расследования. Однако следует твердо помнить, что при даче эксперту каких-либо сведений о конкретных интересующих КГБ обстоятельствах, следует быть осторожным, т.к. со временем эти сведения могут быть "оперативно разоблачены".

Общие сведения о вашей жизни. Беременность вами и роды прошли нормально. Вы родились здоровым ребенком, сидеть, ходить, разговаривать научились во-время. В детстве проявляли интерес к сверстникам, с удовольствием контактировали с ними. Не было предпочтения играм наедине с самим собой, чрезмерного фантазирования, живости, упрямства; все привычки, поступки, суждения соответствовали возрасту и полу. К чтению проявляли умеренный или несколько повышенный интерес, предпочитали книги, соответствующие возрасту. Не было ночных страхов, снохождения, расстройства сна, заиканий, чрезмерно выраженного страха темноты, толпы животных, высоты и проч. Не было неустойчивости настроения, слабости, повышенной обидчивости, неожиданных реакций агрессии, побегов из школы и дома, в занятиях успеха, на "второй год" не оставались, проявляли интерес к жизни двора, класса, школы, не самозащитались из нее, пользовались расположением товарищей /однако не были излишне "примерными", безинициативными/, ваши друзья всегда соответствовали вам по возрасту. В подростковом возрасте не было "особенностей" и "трудностей" поведения. Неудачи переживали спокойно, но не безучастно; не испытывали тяги к уединенным тихим занятиям, отвращения к спорту, к большому скоплениям людей, массовым зрелищам. Были интересами своего возраста и круга; любили кино, книги /но не одну "фантастику"/, игры; к членам семьи относились с любовью, жили интересами семьи, ее заботами, переживали за близких, их болезни, печали, их радости; не были скрытны, делились в семье своими интересами и новостями. Интерес к противоположному полу возник своевременно; к выбору профессии не были безучастны; всегда проявляли живые, яркие и адекватные эмоции; искренне сочувствовали горю и неудачам близких вам людей. По характеру не вспыльчивы, контакты с людьми не "поверхностные"; не ограничиваете себя интересами круга "семья-служба". Если вы человек скрытный, замкнутый, то виной тому робость, а не отсутствие потребности в общении, к профессиональным обязанностям не безразличны, не испытываете к ним отвращения; если только того не требуют ваши занятия или профессия, не проявляете /и не проявляли/ интереса к философским проблемам /ибо есть такой термин: "метафизическая интоксикация"/, психиатрии, парапсихологии, математике. Учитывая уже известную вам психологию психиатра, не проявляете интереса к современному "модернистскому" искусству и, особенно, пониманию его. Свободное время вы не посвящаете одним артистическим занятиям: чтению, садоводству, созерцанию природы, и произведений искусства. Вы имеете "хобби", интересуетесь спортом /хотя бы зритель, болельщик/. Если вы холосты, не объясняйте это отсутствием влечения к противоположному полу или отвращением к семейной жизни, найдите какую-либо иную причину /отсутствие квартиры, малая зарплата, собирався, но помешал арест.../ В сексуальном отношении вы всегда были в границах "приличий". У вас никогда не было склонности к "непререкаемости суждений", вы понимаете и понимали, что "в жизни кривая линия зачастую короче прямой", у вас не было немотивированных, с точки зрения окружающих, поступков. Если объективно известно о некоторых особенностях вашего характера, например, о "срывах", то проявляете критичность к себе. У вас никогда не было травмы мозга, судорожных состояний, потерь сознания, галлюцинаций, расстройства памяти, заболеваний нервной системы /мозга/; алкоголем не злоупотребляете, если и пили когда, то предпочитали сухие вина. Ваши социальные взгляды менялись с возрастом, корректировались окружающими людьми, событиями, книгами, и т.п. Ваши реакции на несправедливость по отношению к вам не были излишне яркими, бурными, экспансивными и длительными. Идеи-мысли зародились под влиянием книг, рассказов очевидцев и жертв

репрессий, воспитания в семье и школе /если обстоятельства позволяют безболезненно сообщать такие сведения/, в результате трезвого объективного осмысливания реальности. Как это ни неприятно, но наилучшей мотивировкой вменяемых в вину деяний является: "Хотел прославиться, стать известным; не понимал серьезности положения, не посмотрел на себя со стороны; не понял, что зашел слишком далеко" и тому подобное. К сожалению, именно такие /некрасивые/ мотивировки положительно воспримутся на экспертизе. Мы не настаиваем на использовании этого совета всеми и всегда; но помните: иногда обстоятельства могут потребовать и такой меры защиты, тем более, что нравственная ваша позиция /отказ "топить" товарищей, "чернить" свое прошлое и т.п./ не пострадает от этого вынужденного тактического приема.

В период следствия по делам инакомыслящих, как правило, имеют место лишения свободы в качестве меры пресечения. Лишение возможности общения с близкими, друзьями, вырванные из привычной обстановки "жизненного стереотипа", вы становитесь участником заведомо проигранной вами схватки с КГБ. Именно в следственный период ваше поведение и обстоятельства дела предрешают: быть или не быть вашей невменяемости. Самый простой способ гарантировать себя от последующей экзеклюпаии таков: давать все интересующие КГБ сведения о всех интересующих его лицах; не жалеть ни близких, ни товарищей, ни посторонних; отречься от своего "преступного прошлого" и т.д. и т.п. Как правило, это гарантирует от психбольницы, даже если вы психопат, хронический алкоголик. История знает тому примеры. К счастью, такую объективно и субъективно аморальную защиту своих интересов принимают немногие. Надеемся, что этот элементарно простой метод неприемлем и для вас.

В период следствия на вас будут воздействовать следующие факторы: 1/ глухая изоляция от внешнего мира; 2/ тревога за будущее; 3/ психологическое давление следователя; 4/ почти обязательное соседство по камере заключенного-"наседки", прямо или косвенно оказывающего на вас психологическое давление. "Наседка" - специально подсаженный в вашу камеру человек, цель которого любым способом воздействовать на вас в благоприятную для КГБ сторону. Его методы включают уговоры дать показания, чистосердечно раскаяться, чтобы заслужить прощение; при этом "наседка" ссылается на свой личный пример или примеры своих знакомых. Иногда он "случайно" находит общих с вами знакомых в прошлом и, с ссылкой на их слова, сообщает известную ему "правду" об "изменах" вашей супруги или невесты. "Наседка" выуживает из вас необходимую следствию информацию, создает в камере совершенно нестерпимую психопатическую обстановку, мешает вам спать, есть, читать, и т.п. Следователь, как вы сами убедитесь, органически не может придерживаться закона в своих действиях, он будет вас уговаривать, запугивать, шантажировать, нарушать процессуальные нормы оформления следственной документации и т.п.

Широко известная самиздатовскому читателю Памятка А.Вольпина о поведении на следствии имеет, как сейчас выяснилось, существенный недостаток: предлагаемая А.Вольпиным "юридическая позиция" на следствии /требование от следователя соблюдать букву закона, четкое знание и отстаивание своих юридических прав/ мешает следователю "чисто вести ваше дело, запугивать на очных ставках ваших свидетелей, под-

тасовывать показания в протоколах допросов и т.п. Это выводит из сил следователя и вынуждает его обратиться к поискам у вас психических изъянов, ходатайствовать о направлении вас на психиатрическое исследование. Особенно "экспертogenous" для вас отказ от дачи показаний вообще /законом не воспрещаемый/. Поэтому рекомендуем обращаться к подобным мерам ведения своего дела только в крайних случаях.

Если позволят обстоятельства, не ведите со следователем разговоров на "эмоциональные" для вас темы; зачастую следователь сознательно ведет подобные беседы на безразличные для вас темы в таком "ключе", чтобы вызвать у вас эмоциональную реакцию. Таким образом, например, "готовили" к экспертизе Леонида Плища, чтобы документально оборотить его "фантазии".

Будьте заранее готовы к ложным заявлениям следователя о имеющихся против вас "уликах", "изобличающих вас показаниях". Помните: вы не можете доказать следователю /как и суду/, что имела место слежка за вами, провокации против вас и прочее, именно потому, что это очевидно. А эксперты на этом основании присоединять к вашему "диагнозу" и "бред преследования". По этой же причине не настаивайте на данных аспектах, если позволят обстоятельства дела. Старайтесь аргументировать свои мнения не личным опытом или анализом действительности, но ссылкой на литературные источники, утверждения авторитетов и т.п. /Иначе в экспертном заключении появится положение о "пересечении ваших данных"/. Не стесняйтесь выразить беспокойство о семье, близких, друзьях. Это необходимо для аргументирования в пользу вашей "эмоциональной сохранности".

Голодовки в качестве протеста желательно применять только при крайней необходимости: при желании отказ от приема пищи может быть истолкован как патология психики /это случилось с Петром Григорьевичем Григоренко/.

Ни в коем случае нельзя упоминать о разочаровании в жизни, желании дальше жить, планах покончить с собой. Это немедленно навлечет на вас подозрение в психической болезни и может быть веским аргументом в пользу экзальтации. О мыслях, о планах покончить с собой нельзя говорить даже.

Не бойтесь воздействия на вас фармакологическими веществами, вводимыми посредством воды или пищи; не отказывайтесь от лечения, если больны - факты подобных воздействий, как правило, не подтверждаются. Мы полагаем, что подобные методы воздействия не практикуются вообще, т.к. сопряжены с определенными чисто техническими трудностями и на самом деле были бы мало эффективны.

Никакие "научные" методы не смогут заставить вас поступить против собственной воли и совести. То же касается и гипнотического внушения, в подобных ситуациях вообще неэффективного.

Период психиатрического исследования и собственно экспертизы

мы рассматриваем на примере стационарного экспертирования, как наиболее сложного случая.

Конвоєм вы доставлены в приемный покой психиатрического учреждения, где уже с первых минут находитесь под наблюдением медицинского персонала. В приемном покое происходит санитарно-гигиеническая обработка испытуемого и первая беседа с врачом. Не отказывайтесь от гигиенических процедур, беседы в врачебных манипуляциях, так как это может быть расценено как "психический негативизм". В палате /или камере/ вы встретитесь с иными исследуемыми. В их числе могут быть и психически больные люди, к присутствию которых вам придется привыкать. Не бойтесь их, даже агрессивные больные не столь опасны, как утверждает молва; тем более в условиях больницы, психиатрического стационара, с практикуемыми методами "устрашения". Помните, что и здесь не исключено присутствие "наседки". Как правило, в каждой палате постоянно находится санитар или фельдшер, в его функцию входит непрерывное наблюдение и, при необходимости, купирование, с помощью инъекций, медикаментов или различных видов "фиксаций", агрессивности, повышенного возбуждения и прочее.

Средний медицинский персонал в психиатрических учреждениях ведет журнал наблюдений, где подробнейшим образом фиксируется все особенности больных и исследуемых, их высказывания, просьбы и т.п. Поэтому; контролируйте каждый свой поступок, каждое слово - все будет доложено "ведущему" вас врачу /т.е. "докладывающему врачу", представляющему вас экспертной комиссии/. Беседы с "докладывающим врачом" во многом определяют заключение комиссии. Будьте достаточно вежливы с ним /как бы ни относились к нему/, по возможности отвечайте на все вопросы; некоторые вопросы могут показаться "глупыми" /"какое сегодня число? день? год? Сколько останется, если из ста вычтеть тринадцать? В чем смысл пословицы "Не в свои сани не садитесь", и т.д./ У вас будет возможность определить интеллектуальный уровень психиатра, его манеру вести беседу, ваша задача говорить с ним "на одном языке, на одном понятийном уровне".

Многие советы о тактике беседы с психиатром и ее содержании изложены выше, в иных разделах нашей работы. Старайтесь не пользоваться выражениями, которые могут быть расценены как "символические ассоциации" /например из жизни Григоренко: ему был задан вопрос о "мотивах" его "антисоциальной деятельности". Григоренко ответил так: "Нечем было дышать"/.

Не утверждайте категорически о сляке за вами, преследованиях, подслушиваниях, провокации и т.п. /Печерникова и Косачев: "по мере развития и переростания паралогичных реакций и патологическое развитие личности основные психопатологические образования постепенно начинают обростать бредовыми преследованиями."

Голодовки следует объявить только в крайних случаях, т.к. они тоже будут расценены как проявление "психопатического негативизма". Убедить психиатра в объективности и социальной обусловленности своих убеждений вы не сумеете /именно потому, что он и сам это понимает/; ввиду этого не рекомендуем углубляться в дискуссию на

социально-политические темы, иначе может быть констатирована "переоценка своих данных". /Печерникова и Косачев: "сверхценные представления сменяются интерпретативным бредом, который приобретает черты некорректируемости, убежденности, паралогичности, появляется переоценка своих данных"/. Может быть отмечена и "обстоятельность мышления" /так случилось с Григоренко./

Разумеется, если психиатр задался целью выявить у вас патологию, любой ваш ответ и поступок может быть расценен соответствующим образом. У Жореса Медведея, например, было констатировано "расщепление личности" на том основании, что он по профессии биолог, а пишет стихи...

Ваше поведение должно быть максимально естественным, не скрывайте тревоги о будущем, о семье, близких, друзьях, чтобы не выявили у вас "эмоциональную сглаженность" или "холодность".

Отрицайте знакомство с нашей работой, не сообщайте, что когда либо интересовались психиатрией, парапсихологией, философией, религией /если это возможно, исходя из объективных данных обстоятельств/.

Помните, что советский врач не может гарантировать вам соблюдение профессиональной тайны. Не сообщайте ему "оперативных" сведений, которые могут быть использованы против вас или ваших знакомых.

Спустя определенное время, "докладывающий" врач предвстает вас комиссии, сообщит ей о своих наблюдениях, характере и содержании бесед с вами; сделает предварительный анализ и даст заключение о вашей вменяемости /или невменяемости/.

И последнее: молва о "фармакологических" допросах в психиатрических учреждениях не беспочвенна. Существует метод так называемого "амиталового интервью", посредством внутривенного введения амиталнатрия. Через короткое время /секунды/ после введения у испытуемого наступает непродолжительное состояние опьянения, сходного с алкогольным, затем переходящее в глубокий сон. Принцип довольно банален: "У пьяного развязывается язык". Метод "растормашивания" /так это называют официально/ применяется в случаях, когда у испытуемого или больного хотят выявить скрываемый бред, галлюцинации и т.п. Компетентно заявляем: метод малозффективен, не бойтесь его, контролируйте свое состояние /это возможно/ и эффект "развязывания" вашего языка не удастся.

Поведение в психиатрической больнице

Может случится худшее: несмотря на полное следование нашим рекомендациям, вы будете признаны неизменяемым и определением суда направлены на принудительное психиатрическое лечение.

Бесправное положение психически больного незавидно. Вы не должны отчаиваться! Многие десятки ваших товарищей долгие годы находятся на принудительном лечении без значительного ущерба для здоровья. Несмотря на весь арсенал психофармакологических средств, шокотерапию, современная наука, к счастью, пока не в состоянии необратимо изменить человеческую индивидуальность, убить личность в человеке.

Каждые шесть месяцев вас должны представлять на очередную психиатрическую экспертизу, этого требует закон. Кто знает, может быть одна из таких комиссий признает вас "излеченным". Нет никаких оснований надеяться на совесть врачей; к сожалению, малоэффективно и давление мирового общественного мнения по поводу преступного использования психиатрии в СССР.

Практика показывает, что для создания себе более или менеесных условий существования в психиатрической больнице /менее выраженный "режим притеснения", разрешение на чтение книг, более мягкое "лечение" с более продолжительными перерывами между курсами/ необходимость сообщать врачам о "переоценке своих прежних болезненных убеждений". Отдавая должное мужеству Леонида Пляща, сознательно отказывающегося в спецбольнице г.Днепропетровска от любых "тактических приемов", мы настоятельно рекомендуем все же пользоваться ими. В этом и только в этом единственная надежда на спасение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспертировавший одного из авторов данной работы профессор Ушаков так пишет в своем учебнике, рассчитанном на студентов-медиков: "Научные идеи, доминирующие в сознании ученого, фанатические идеи верующего представляют собой варианты переоценки /т.е. сверщенных, патологических/ идей".

Стоит ли удивляться после этого широкой практике экскульпации инакомыслящих?

Знание элементарных положений психиатрической практики, умение сознательно и грамотно вести себя при встрече с психиатром - необходимо сегодня многим. Известные обстоятельства нашей жизни помешали нам ранее письменно обобщить наш опыт и предложить его читателям.

Наша работа рассчитана и на тот случай, когда вам придется выступать на следствии в качестве свидетеля. Тогда от ваших показаний будет зависеть судьба других людей.

Столь сжатый объем не позволил достаточно глубоко и серьезно осветить некоторые вопросы теории психиатрии и взаимоотношение права и психиатрии, поэтому для тех, кто желает ознакомиться с проблемами, затронутыми в нашей работе, рекомендуем следующую литературу.

Информация о психиатрическом отделении
Мордовских политлагерей

1. УГНАЧЕВ Альберт Кузмич, 1938 г.р., в заключении 17 лет, ст.70
2. АИПРЕ Альгердас, 1927 г.р., в заключении 17 лет, ст.64.
3. САКУЛЬСКИЙ, ст. 70

УГНАЧЕВ - диагноз шизофрения, установленная комиссией ин-та им. Сербского. Ожидает отправки в психбольницу города Саранска. В корпусе № 12 находился 9 месяцев, вывезен в июле, куда - неизвестно. Корпус № 12 УБД. КОКОРЕВ В.В. нач.отдела: "У нас лечат условиями содержания!"

- 1/ Содержание в "бытовой" зоне 385/3-2
- 2/ Санитары - осужденные за бытовые преступления.
- 3/ Содержание совместно больных и здоровых.
- 4/ Санитарам, неимеющим медподготовки, разрешается раздача лекарств и уколы /сульфазин/
- 5/ Вымогательство, воровство, грабеж.
- 6/ Избиение.
- 7/ Наркомания.
- 8/ Один случай самоубийства после издевательства и один случай смерти после противопоказанного укола.
- 9/ Никогда не посещается дежурным врачом или представителем администрации.
- 10/ Заявления, жалобы не доходят до адресата, даже если направлены администрации лагеря.
- 11/ Антисанитарное состояние всего корпуса.

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ В РОССИЮ

Дорогой друг!

Вы просили моего совета: как вести себя, если Вас вызовут на допрос в КГБ?

Я могу рассказать об этом кое-что — мне не раз приходилось там бывать. Это стало в нашей стране почти общей судьбой — сам допрос или его постоянное ожидание — в особенности для тех, кого называют интеллигентами. Не вызвали вчера — очень вероятно, что вызовут завтра. А если повезет и этого не случится, все равно ожидание допроса висит над Вами дамокловым мечом. А раз так — надо быть к этому готовым.

Есть люди (их немного), которым никакие рассказы и советы не нужны. Они знают, что в решающую минуту им будет дано сказать и сделать именно то, что нужно. Я не отношусь к таким — мне требуется внутренняя проработка, подготовка.

Конечно, жизнь многолика, ситуации разнообразны, всего не предусмотреть. И человеческие характеры различны — метод, наилучший для одного, не подходит другому. И все же — нельзя ли попытаться построить заранее некую внутреннюю крепость, в которой душа могла бы найти опору в трудную минуту?

Эта опора нужна нам, как хлеб насущный.

Не только для того, чтобы мы были готовы, когда настанет наш час, и не причинили по собственной вине вреда своим близким и себе — но и для того,

чтобы быть свободнее, быть в большей мере самими собой каждый день, во всегдашней нашей советской жизни.

ФОРМУЛА

Вы прекрасно понимаете, что речь может идти не об избавлении от грозящей беды — это не в нашей власти — но лишь о том, чтобы выработать такое отношение к ней, которое можно было бы считать оптимальным, наилучшую из возможных для Вас линию поведения на случай принудительного общения с представителями КГБ.

Великий современный классик в третьей части «Архипелага ГУЛаг» дает превосходную, почти математическую по предельной лаконичности и содержательности, формулу отношения к Органам: «не верь — не бойся — не проси». Здесь абсолютная истина. Нет места для ошибки в тесном, как карцер, выстраданном пространстве этой трехчленной формулы. За ней стоит огромный, безмерно трагичный и непререкаемый опыт десятков миллионов людей. Пусть, когда будет надо, эти три «НЕ» огненными буквами светятся в Вашей душе — и Вы не раз скажете спасибо Александру Исаевичу, сумевшему выкристаллизовать эти слова для Вас. Они выражают самую сердцевину единственно нравственного отношения к пресловутому учреждению.

Но очень не просто бывает в конкретной ситуации, на допросном стуле — эту формулу реализовать. И хорошо, когда кому-то удастся успешно использовать дорого доставшийся опыт тех, кто сидел на этих стульях раньше.

НЕВИНОВНОСТЬ

Главное, что очень часто мешает человеку, оказавшемуся в лапах кагебистского следствия — это ощущение

ние своей невинности перед каким-либо человеческим, гражданским или социальным законом. Это иллюзия, от которой надо избавиться поскорее и полностью.

Вы, конечно, сочувствуете движению в защиту гражданских прав в Советском Союзе, хотя и не участвуете в нем непосредственно. Вы считаете, что всякое действие против всемогущей тотальной власти безнадежно и может представлять опасность лишь для тех, кто решается такие действия предпринимать. Но ведь Вы не отказывались при случае прочесть самиздатовскую рукопись. Может, у Вас и дома есть (или было когда-нибудь) нечто недозволенное, напечатанное на машинке? И когда-то Вы давали это прочесть ближайшему другу или своей жене?

Этого достаточно — Вы виновны. Познакомьтесь с законом.

Статья 70 (часть первая) Уголовного кодекса РСФСР под антисоветской агитацией и пропагандой понимает (цитирую) «агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого содержания» (конец цитаты). За это Вам могут дать на первый раз от 6 месяцев до 7 лет лагерей строгого режима плюс ссылку от 2 до 5 лет — итого до 12 лет, ибо ссылку заботливые власти могут сделать для Вас потяжелее лагеря.

Те же преступления, но без умысла на подрыв Советской власти, наказываются по статье 190 — до трех лет лишения свободы. Вы видите, что очень важно наличие умысла. А доказать умысел не просто,

если Вы его отрицаете. Вы, например, вовсе не против власти, а против отдельных недостатков. Но не думайте, что суд потребует от следствия и прокурора каких-либо доказательств. У Вас высшее или среднее образование — этого достаточно для наличия умысла, так как Вы лицо политически грамотное и не могли действовать неумышленно! Статья 190 не для Вас, так легко Вам не отделаться — особенно, если Вы отказываетесь полностью признать вину и назвать сообщников.

Может быть, Вам еще что-нибудь неясно? Тогда познакомьтесь с комментарием в недавно выпущенном учебнике для советских юристов (Курс советского уголовного права, часть особенная, том 3, издательство Ленинградского университета, 1973 год) — это новейшее руководство, обязательно прочтите. Там разъясняются все тонкости, например, какая разница существует между антисоветской агитацией и антисоветской пропагандой. Разъясняется, что под антисоветской литературой следует понимать «любые письменные и графические материалы (книги, газеты, журналы и другие печатные материалы, письма, рукописи, листовки, рисунки, песни, фотомонтажи и иные произведения» (стр. 169), что под «распространением антисоветской литературы подразумеваются все способы ознакомления с этой литературой других лиц или хотя бы одного лица» (стр. 170), и т.д. и т.п. Прочтите внимательно все эти указания, все увертливые и лицемерные оговорки — о том, например, что все это делается не вопреки, а во имя свободы слова и даже Декларации прав человека (стр. 164), или о том, что у нас судят не за образ мыслей, «а лишь за общественно опасные деяния, признанные законом преступными» (стр. 163). Прочтите все это — и обязательно посетите хотя бы один политический процесс. Не думайте, что это абсолютно невозможно или очень

уж опасно: иногда они пускают, и ничего особенного с Вами от этого не будет.

И Вы поймете, поймете окончательно, что перед этим законом мы все и всегда виновны. Он специально для того и сделан, чтобы мы были постоянно виновны, а власть имела бы возможность покарать любого из нас в любую минуту, когда это почему-либо будет сочтено нужным или желательным. Конечно, Вы не можете считаться преступником в каком бы то ни было человеческом смысле этого слова — но по этому закону Вы — как и я или почти любой другой человек — всегда преступник. Только зная это хорошенько, Вы поймете по-настоящему, что следовательно, сколько бы он ни лицемерил, по долгу службы рассматривает Вас при любом допросе как преступника.

При этом он почти всегда знает, в чем дело. Он действует в соответствии с предписаниями, с корыстными служебными и ведомственными интересами, иногда в соответствии с так или иначе деформированным пониманием партийного или даже патриотического долга (во множестве случаев, впрочем, дело не обстоит так сложно) — он действует в соответствии с чем угодно, кроме подлинного духа правосудия и справедливости. Он использует всякую возможность унижить Ваше достоинство и растлить Вас, превратить в предателя и доносчика. Он действует в нарушение всех принципов, при помощи которых люди могут сосуществовать друг с другом. Он — преступный прислужник преступного закона. Его отношение к Вам во время допроса — отношение агрессора и насильника. Ваши взаимоотношения с ним во время допроса — это открытая война — поскольку уж дело дошло до допроса.

Наступательных средств у Вас нет. Готовьтесь к обороне.

ВЫЗОВ НА ДОПРОС

Со мною судьба обошлась милостиво: ведь мог попасть на допрос еще совсем молодым и неопытным — и кто знает, как сложилась бы тогда вся жизнь. На первом настоящем допросе в КГБ мне было уже за тридцать, я много чего прочел и располагал опытом друзей и знакомых.

Могло быть иначе — я был вызван впервые, в качестве свидетеля по политическому делу, когда мне было всего около двадцати, и не было еще никакого опыта. Многие на том давнишнем следствии вели себя, как говорят, «по-разному» — и страдали потом. Я тогда уклонился от встречи, уехал из города. По «делу» проходило очень много свидетелей, КГБ не сочло нужным разыскивать меня, так и обошлось. Конечно, это было редкостное везение.

Тем не менее, вот первый совет: уклоняйтесь по возможности от всякого соприкосновения с ними.

Вас вызвали в КГБ: первые эмоции — страх и отвращение; но — и любопытство! Очень сильное любопытство: зачем вызвали? что они узнали? чего им надо? А принимает оно в Вашем сознании вид смелой решительности: надо пойти и выяснить, в чем дело! лучше знать правду о своем положении, даже не слишком веселую, чем пребывать в томительной неизвестности! И Вы идете.

Не делайте этого так поспешно. Прежде всего — пусть в одиночестве или в обществе действительно близкого друга — пошлите их куда следует (пойдете Вы потом на допрос или не пойдете — все равно это Вам поможет). А затем хорошенько подумайте и изучите обстоятельства.

Конечно, если они очень хотят с Вами встретиться, уклониться не удастся. Что ж, пусть так — но зачем самому торопиться? Мотылек спешит на пламя свечи. Ведь известно, что никому, никогда, за всю

человеческую историю охранка не сделала ничего хорошего. Они хотят удовлетворить не Ваше любопытство, а свое — и они умеют это делать (за Ваш счет).

Не спешите, прочтите хорошенько повестку. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом в ней должно быть указано, в качестве кого Вас вызывают — в качестве свидетеля, подозреваемого, потерпевшего или обвиняемого (как правило, вызывают свидетелем, так как подозреваемые и обвиняемые обычно сидят уже у них в следственной тюрьме — так в дальнейшем и будем считать, что Вы вызваны свидетелем). Кроме того, должна быть указана фамилия следователя. Если там нет того или (и) другого — ни в коем случае не идите. Вы имеете на это законное основание, так как повестка составлена неправильно и тем самым является незаконной. Это бывает часто. Кагебисты привыкли к всесилию произвола и совсем отвыкли соблюдать законы и правила, особенно в мелочах.

А может быть, Вас вызвали вообще не при помощи повестки? Они почему-то любят экономить эту бумагу. Вас просто зовут в отдел кадров или в спецотдел на работе и говорят, что Вы должны явиться тогда-то и туда-то. Такой вызов незаконен. Не ходите, ничего хорошего не будет. Захотят — вызовут, как положено. А Вы выиграете по крайней мере день-другой. Да и кагебисты из такого поведения могут сделать вывод, что Вы не лыком шиты: вербовать Вас, к примеру, не стоит — а может, затем-то и звали! — а отказываться лицом к лицу куда трудней...

Но Вы получили повестку, и составлена она правильно. Так порвите ее! Ведь бывает же, что письма пропадают — так пропало и это. Будет им надо — пришлют повторную повестку, вручат через дворника или милиционера под расписку, или позвонят по телефону, или приедут сами — ничего страшного,

посердятся немного. Их расположения Вам все равно не завоевать.

Помните: за сознательную, преднамеренную неяску на допрос или даже в суд Вам по закону грозит всего лишь привод с милицией и штраф в размере 10 рублей.

Не спешите: выигранное время очень нужно Вам. Надо все обдумать, подготовиться, посоветоваться с друзьями. Быть может — проконсультироваться с адвокатом, если среди Ваших знакомых есть профессионал, которому можно доверять. Абсолютно необходимо для укрепления духа прочитать те статьи Уголовно-процессуального и Уголовного кодексов, которые относятся к правам, обязанностям и ответственности свидетеля и следователя. Надо их знать, хотя на практике пригодится немногое.

ГЛАВНОЕ РЕШЕНИЕ

Допрос связан для допрашиваемого с огромными психологическими затратами. Вас могут попытаться взять измором — для этого у них есть все возможности. Поэтому важно выбрать тактику, которая позволит Вам сохранить силы. Единственная такая тактика — отказ давать показания.

Тот, кто занял оборону на линии «нет — не помню — не знаю», оказывается вынужденным строить версии, которые должны быть правдоподобны с точки зрения следователя. При этом неизвестно, что в данный момент знает следователь и что он узнает потом от других свидетелей и обвиняемых; кроме того, постоянно есть риск дать ему новую информацию, которая неожиданным образом может оказаться вредной для Вас или, что хуже, для кого-то другого. «Говорящий» свидетель, защищаясь, жжет свечку с двух концов, работает за двоих, он должен непрерывно оценивать каждое свое слово с различных

точек зрения, перед ним все время опасность запутаться в противоречиях. И самое главное — обороняясь, он тем самым дает материал для новых допросов, снабжает следственную машину ее любимым питанием.

Следователь на первых допросах, возможно, даже не будет слишком нажимать на Вас. Он с удовольствием запишет каждое Ваше «нет — не помню, — не знаю», а потом не пожалеет трудов и времени на то, чтобы доказать Вам, что Вы дали заведомо ложные показания, что в таком-то случае не «нет», а «да» (агентурные данные, показания других свидетелей, противоречия в Ваших собственных показаниях), а в других случаях Вы обязательно должны «помнить» и «знать». Тогда он припрет Вас к стенке угрозой отдать под суд за ложные показания. А если к тому же на Вас возник какой ни на есть «материал», — он будет угрожать ответственностью за все сразу, и по максимальным расценкам.

Это очень, очень трудный момент — а силы уже в значительной мере израсходованы. И Вы понимаете, что угрозы следователя отнюдь не пустой звук. Вы неплохо знаете новейшую историю. Кроме того, Вас ведь уличили во лжи, Вам как бы «неудобно» и стыдно (следователь очень рассчитывает на это!).

То, что я описываю — самая стандартная ситуация. Чтобы создать ее, следователю вовсе не нужно быть очень уж умным. Вполне достаточно некоторого опыта и известной настойчивости — а этим все они обладают в избытке.

В этой ситуации многие, очень многие люди дрогнули и пустились на поиски новых решений, которые казались им поначалу приемлемыми компромиссами — а в конечном счете всегда оказывались капитуляцией. Не хочется называть никаких имен в этом неизбежно грустном контексте. Но не думайте, что Вы семи пядей во лбу, а все эти люди были суще-

ственно менее умны, опытни, находчивы или нравственны, чем Вы, или что они имели не столь благие намерения — это не так.

Не переоценивайте своих сил. Длительное следствие деформирует душу, особенно если Вы в тюрьме. А если во время следствия Вы еще не в тюрьме, Вы прекрасно знаете, что в любой момент можете там оказаться. Против Вас действуют профессионалы, и на их стороне все преимущества.

Все же кое-что есть и у Вас. Ведь можно отказаться играть в эту игру. Вас все равно переиграют, если Вы попытаетесь играть в предлагаемом Вам амплуа — оно и создано специально для проигрыша.

Подумаем об этом еще. В начале допроса, на исходной позиции, следователь располагает против Вас теми данными, которые предоставил ему оперативный отдел, и показаниями о Вас, данными обвиняемыми и другими свидетелями. Ваша задача в том, чтобы он не получил от Вас никакой информации в дополнение к этому — ни о Вас, ни об обвиняемых и свидетелях, ни о каких-либо других людях.

Оперативные отделы КГБ располагают досье на десятки миллионов советских людей; говорят, что все, кто имеет высшее образование, охвачены этой системой поголовно. В этих папках в течение всей Вашей жизни накапливается материал о Вас — всяческие характеристики партийных и комсомольских организаций, администрации предприятий, где Вы работали, спецотделов и отделов кадров, регулярные и нерегулярные сообщения штатных и внештатных осведомителей, копии анкет, фотографии — и, конечно, данные слежки — доклады, записи телефонных разговоров, копии перлюстрированных писем и прочее, а также регулярные «заключения курирующих сотрудников» КГБ о том, в какой мере Вы представляете опасность, можно ли допускать повышение Вас по службе и до какого уровня, можно ли пускать Вас за границу,

и вообще — как надлежит с Вами обращаться в каждый данный момент. Эти досье секретны: кроме КГБ, правом ознакомления с ними располагают лишь высшие партийные инстанции.

Кроме того, перед обыском или допросом за Вами, как правило, устанавливается слежка, выясняются знакомства, дела на работе, семейная жизнь и прочее. При помощи всех этих данных умелый следователь постарается внушить Вам на допросе представление о всевидении, всезнании и всемогуществе Органов.

Но помните: агентурные данные не имеют доказательной ценности. Их нельзя сами по себе включить в обвинительное заключение и представить на суде. Они годятся только для того, чтобы постараться запугать и «расколоть» Вас. Это — всего лишь сырье, в лучшем случае полуфабрикаты. А готовая продукция — это собственноручно подписанные Вами показания. Потому-то следователь так настойчиво и добивается именно их.

И если даже против Вас дали показания — не подтверждайте их (иначе вся ответственность за Ваши беды на Вас самих — Ваше подтверждение усилило эти показания!). А опровергать — тоже не стоит: лучше всего отказываться отвечать, иначе Вас будут мучить всякими доказательствами и очными ставками.

Семь бед — один ответ.

ПРИНЯТИЕ РИСКА

Надо рассмотреть вопрос об ответственности за ложные показания и за отказ от дачи показаний.

В начале допроса следователь (как и судья во время процесса) по процедуре обязан предупредить Вас об этой ответственности и взять подписку о том, что Вы предупреждены. Дело, однако, в том, что кагебист (и точно так же судья на процессе) отнюдь не заинтересован разъяснить Вам действительное со-

держание статей 181 и 182 Уголовного кодекса РСФСР, в соответствии с которыми делается это предупреждение. Это очень важный момент. Они говорят всегда примерно так: — Вы предупреждаетесь, что по статьям таким-то будете нести уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний — до 7 лет лишения свободы.

В этом сообщении не содержится прямой лжи, но оно крайне недобросовестно по своей сути. Разберем вопрос детально. По статье 182 свидетелю за отказ от дачи показаний грозит максимум полгода исправительно-трудовых работ — то есть вычетов на работе в размере 20% заработной платы. Статья 181 содержит два пункта. В пункте первом сообщается, что свидетелю за дачу заведомо ложных показаний грозит наказание до 1 года лишения свободы, а в пункте втором говорится, что если это (то есть дача свидетелем заведомо ложных показаний) связано с обвинением в особо опасном государственном преступлении, то мера наказания может быть увеличена до 7 лет лишения свободы.

Этот второй пункт статьи 181 записан в Уголовном кодексе нарочито неясно. Я сам искренне полагал долгое время, что если человека обвиняют в антисоветской агитации и пропаганде по статье 70 (а это относится к разряду «особо опасных государственных преступлений») и при этом меня вызвали свидетелем, а я выгораживаю обвиняемого и себя и даю ложные показания, то за это я могу получить семь лет лагерей. И только проконсультировавшись с хорошими адвокатами, я узнал, что это совсем не так.

Имеется в виду наказание до 7 лет по второму пункту за ложный донос, за поклеп — за такие показания, которые, будучи заведомо ложными, влекут обвинение кого-то в особо опасном государственном преступлении — например, по статье 70. А за любые

заведомо ложные показания, смысл которых сводится к выгораживанию подсудимого или кого-либо другого (независимо от характера обвинения!), Вас могут судить только по первому пункту статьи 181 и дать не больше 1 года лагерей.

Совсем другое дело! Понятно, почему этот пункт записан столь неясным языком — в отличие от других статей кодекса. Понятно, почему следователь и судья весьма не заинтересованы в том, чтобы свидетели отчетливо понимали содержание этих статей. Ведь тогда жало шантажа теряет большую часть своей ядовитой эффективности. Наказанием в 1 год трудно как следует запугать привыкших ко всему граждан. Да и год-то проблематичный, это еще нужно дело завести и доказывать, что показания были действительно заведомо ложными, что Вы действительно знали, что говорили неправду. Конечно, доказать в нашем суде нетрудно все, что требуется — но возня какая! не любит наш суд таких процессов, и следствие тоже — карьеру на этом не сделаешь. Вот угроза семью годами — это действительно страшно. Впрочем, что касается обвинения по пункту второму за ложный поклев — то полагаю, что нам с Вами оно не грозит.

Самый интересный факт — что за отказ от дачи показаний Вам угрожают всего лишь наказанием, вообще не связанным с лишением свободы. Правда, если Вас будут судить по статье 182, суд не обязательно оставит Вас на прежней работе на эти полгода — могут направить на стройку (но в том же городе, где Вы живете) и вычитать ежемесячно 20% зарплаты, а жить Вы будете по-прежнему дома. Немало людей согласились бы заплатить такую цену за чистую совесть.

Почему такое легкое наказание за ярко выраженное нелояльное поведение? Об этом можно только догадываться. Кодекс в данном пункте явно не сбалансирован. Думаю, дело в том, что в не столь отдаленном мордобойно-пыточном следственном прошлом

чистых отказов практически не было; их и теперь еще мало. А с тех пор не удосужились усилить кару — это ведь даже при нашей удобной системе требует известной процедурно-законодательной волокиты, кому-то надо было бы этим заниматься. Не удивлюсь, если в близком будущем статья 182 будет изменена. А пока что всем заинтересованным людям надо стараться использовать ее преимущества...

Не надо, впрочем, строить ложных иллюзий. Если Вы вызваны свидетелем и решаетесь на полный отказ от дачи показаний, принимаемый Вами на себя реальный риск значительно превышает полгода исправительных работ по статье 182. Вы своим поведением бросаете вызов КГБ, оскорбляете честь мундира. Они этого очень не любят. Не исключено, что им захочется сделать Вас из свидетеля обвиняемым. И надо обязательно учитывать всю величину возможного риска — и вполне осознанно принимать этот риск.

По статье 70 очень редки приговоры меньше трех лет лагерей строгого режима. «Главный обвиняемый» обычно получает при групповом «деле» что-нибудь около максимума, другие — от половины его срока и больше. Такова практика. И самый обычный шантаж, применяемый к свидетелю — это угроза перевести его в обвиняемые.

Но та же практика показывает, что кем именно Вам предназначено быть на судебном процессе — свидетелем или обвиняемым — обычно predetermined КГБ еще на стадии подготовки дела, до начала обысков и допросов. Они очень любят подержать будущих обвиняемых сначала свидетелями. Так легче шантажировать, потому что обвиняемый по закону не несет никакой ответственности за ложные показания и за отказ. КГБ хочет, чтобы Вы, еще будучи свидетелем, дали на себя достаточный материал и потом, пос-

ле перевода в обвиняемые, не могли бы отказываться от показаний.

А судебные процессы по статьям 181 и 182 очень редки. Власти как-то избегают судить людей за такое поведение, которое по видимости не представляет непосредственной опасности и при этом неизбежно будет рассматриваться значительной частью общества как высокоморальное. Мне известен единственный случай, когда человек был осужден за последние 10 лет по статье 182: это был известный московский (ныне в Англии) искусствовед Игорь Голомшток, отказавшийся давать показания на процессе Андрея Синявского и Юлия Даниэля в 1966 году; у него действительно вычитали 20% зарплаты в течение полугода.

МЕДИТАЦИЯ

Легко сказать — не бойся. Но быть в КГБ — страшно. Это всякому известно, и это правда. Как же — не бояться?

Вы вошли в здание, предъявили вахтенному документы, вышел офицер, привел Вас в пустую комнату и сказал: «Подождите, за Вами придут». Вы ждете полчаса, может быть, час или больше. Это — так называемая комната для свидетелей. Как правило, Вы в ней один; оно и лучше. Не теряйте напрасно этого времени, когда Вы здесь в первый раз. Для следующего раза возьмите с собой книжку позанимательнее и старайтесь читать. Но сейчас, впервые — подготовьте себя к тому, что Вам предстоит.

Эта комната, это одиночество, это ожидание — не случайны. Это для того, чтобы Вы подумали хорошенько — и испугались, и боялись бы потом все время; так с Вами легче справиться.

Но Вам нельзя бояться. Вы этого не можете себе позволить. Если Вы боитесь, то вся хитроумная

подготовка — впустую. Вы решились отказываться отвечать на вопросы и давать показания — но это имеет смысл только в том случае, если удастся провести отказ до конца. А что, если страх, загнанный волевым усилием куда-то вниз, во время допроса вдруг всплывет в решительный момент? Этого нельзя допустить. Нельзя допустить даже того, чтобы Вы боялись испугаться.

Давайте используем опыт тех, для кого самопознание и самообладание были жизненным делом, доведенным до высочайшего искусства. Это — мудрецы и аскеты различных времен и вероисповеданий. Они изобрели медитацию — особого рода сосредоточение, при помощи которого они успешно регулировали не только свои действия, но и помыслы.

Прикройте глаза; совсем можно не закрывать. Вы сейчас в достаточной мере сосредоточены на том страшном, что Вам грозит — и в этом Ваше преимущество, благодаря которому Вы, без специальной подготовки, можете сейчас провести настоящую медитацию.

Отвлекитесь от конкретности, подумайте о страхе как таковом. Не правда ли, страх — черного цвета? Перед Вами — черные хлопья в пространстве. Местами хлопья сгущаются, образуя глубоко-черные скопления с неровными, рваными краями. Черное — это страх.

Теперь — мысленно возьмите простую деревянную рамку — такую, в каких обычно бывают старые семейные фотографии. Поместите эту рамку перед собой и соберите в нее все черные пятна и хлопья, так, чтобы их не осталось вокруг. Хлопья сопротивляются, вылезают за края — ничего, Вы не спешите, время есть, Вы аккуратно загоняете их обратно в рамку. Все в порядке?

Весь черный страх заключен в простую деревян-

ную рамку. Возьмите теперь плоскую малярную кисть-флейцу, обмакните ее в травянисто-зеленую краску, какой красят заборы — и похерьте, перечеркните все черное внутри рамки крест-накрест, по диагоналям! Готово. Вглядитесь хорошенько в то, что получилось.

Откройте глаза, вздохните глубоко и спокойно. Теперь страх Вам не страшен. Вы собрали его в кучу и перечеркнули. Когда он начнет всплывать в сознании, Вы прежде чем увидеть черное, увидите эту довольно ироничную деревянную рамку и заборно-зеленый крест. Сам страх не успеет коснуться Вас своей чернотой. Вы успеете усмехнуться, вспомнить все — и отбросить его обратно, вниз.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Итак, Вы на допросе. Вы приняли твердое решение отказываться. Но не знаете, как сделать это с самого начала и наилучшим образом.

Не беспокойтесь, это не так трудно. Техника простая. Важно только не упустить ничего существенного.

Вначале следователь занимается «установлением Вашей личности». Перед ним лежит анкета, он готовился к допросу, он много чего о Вас знает — но все равно задает вопросы: фамилия, имя, национальность, образование, работа и прочее. Вы отвечаете спокойно.

Следователь предупреждает Вас об ответственности за ложные показания и за отказ по статьям 181-182, и Вы должны расписаться, что предупреждены. Это предупреждение он делает, как мы уже выяснили, предельно недобросовестно. Вы можете потребовать разъяснений и довольно долго беседовать на эту тему. Но зачем? Вы ведь и так прекрасно знаете, в чем дело. Ваше решение уже принято; и Вы не заинтересованы в затяжках допросного времени.

Советую все же, прежде чем подписывать предупреждение, попросить у следователя Уголовный кодекс и прочесть эти статьи, для бóльшей уверенности — вдруг в последние дни или месяцы эти статьи были изменены, а Вы и не знали — чего не бывает в жизни... Прочтите их и подпишите предупреждение. А если следователь не захочет дать кодекс — тут уж Вы имеете законные основания настаивать. Он уступит.

Собственно допрос начинается тем, что следователь предлагает свидетелю рассказать все, что тому известно по делу.

Внимание! в этот момент допроса Вы имеете право задавать вопросы следователю, и он не может оборвать Вас фразой «здесь задаю вопросы я». Воспользуйтесь этим правом.

Вас могут вызвать свидетелем только по какому-то конкретному делу, и по закону (статья 73 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР) Вы обязаны отвечать на вопросы и давать показания только по тем обстоятельствам, которые имеют непосредственное отношение к данному делу. (Спросите у следователя, так ли это, правильно ли Вы это понимаете — он вынужден будет подтвердить.) А раз так — Вы должны иметь четкое представление о данном деле: в чем оно заключается, какое и когда совершено преступление, кто в этом преступлении обвиняется и на каких основаниях. Не зная всего этого, Вы не в состоянии определить, на какие именно вопросы Вы обязаны отвечать и на какие — нет. Скажите все это следователю, миролюбиво и спокойно, и попросите дать соответствующие разъяснения.

Следователь никогда не даст таких разъяснений, которые Вы смогли бы считать удовлетворительными. Как правило, он просто-напросто перескажет содержание статьи 70, по которой заведено дело, и скажет, что он не обязан давать дополнительные разъяснения; может быть, сошлется на тайну следствия.

Что ж, не обязан — так не обязан. Но и Вы не можете отвечать на вопросы, не зная, имеют ли они прямое отношение к делу — а ведь только на такие вопросы Вы обязаны отвечать по закону. А для этого Вам необходимо знать, в чем же конкретно состоит дело — общую формулировку статьи кодекса Вы не можете считать удовлетворительным разъяснением.

Следователь, несомненно, вновь и вновь откажет в этой просьбе. И начнет запугивать Вас.

При первой же его фразе, которая может быть Вами интерпретирована как угроза, необходимо убедительно показать, что с Вами так разговаривать нельзя. Надо сообщить ему, что при повторной угрозе Вы прекратите беседу и непременно запишете в конце протокола, а также в отдельной жалобе прокурору, что он применял запрещенные законом методы ведения следствия (см. статью 179 Уголовного кодекса РСФСР — угрозы и иные незаконные методы принуждения свидетелей к даче показаний). Конечно, ничего серьезного ему из-за Ваших жалоб не грозит, судить его никто не будет. Но может быть неудовольствие начальства по поводу неловкой работы. В его учреждении, в обстановке конкуренции и всеобщего взаимного «подсиживания», даже мелкие служебные неприятности следователю совершенно ни к чему. Скорее всего, он отступит и прекратит угрозы. Если нет — тем лучше: такое его поведение — прекрасное основание для отказа от дачи показаний.

Он отступил — но Ваше дело еще не закончено. Пока Вы не ответили на его предложение рассказать о том, что Вам известно, он, согласно процедуре, не может задавать дальнейшие вопросы. Воспользуйтесь этой ситуацией и сделайте заявление, которое должно содержать Вашу формулу отказа. Заявите, что Вы отказываетесь отвечать на вопросы и давать показания по данному делу.

Учтите, что немотивированный отказ может по-

служить основанием для назначения психиатрической экспертизы. Мотивируйте же его — и пусть на всякий случай Ваша формула включает в себя и сам термин «мотивировка».

— Несмотря на Ваши настойчивые просьбы, следователь отказался сообщить, в чем конкретно состоит данное уголовное дело. Тем самым он лишил Вас возможности знать, на какие именно вопросы Вы обязаны отвечать по закону. Вам сообщено лишь, что дело заведено в связи с тем, что какие-то лица занимались антисоветской деятельностью. Но Вам ничего не известно о какой бы то ни было деятельности этих лиц, которую Вы (заметьте: именно Вы, а не кагебисты, эксперты, обвиняемые, другие свидетели или кто-либо еще!) могли бы считать антисоветской, а никакие подробности Вам следователем не сообщены.

(Если следователь что-нибудь и сообщит, что навряд ли, то Вы всегда свободны не считать этот вид деятельности действительно антисоветским — никаких юридически осмысленных формулировок этого понятия Вам не могут представить, так как их не существует в природе.)

Поэтому Вы отказываетесь отвечать на вопросы и давать показания по данному делу. Ваш отказ мотивируется также и морально-этическими соображениями.

Это — только пример. Формулу можно варьировать. Но желательно, чтобы она содержала преамбулу, само заявление об отказе и фразу о морально-этических соображениях. Это потому, что приведенная здесь (или подобная) преамбула представляется имеющей смысл с чисто человеческой точки зрения, но не с формально-юридической. А за «морально-этические соображения» им будет труднее Вас судить.

Мало сделать заявление — надо заставить записать его в протокол в точности, дословно. Следователь не хочет этого делать: такой допрос для него —

брак в работе. И у него есть еще иллюзии, что Вас можно запугать, запутать, «расколоть».

Он объяснит, что с точки зрения закона Вы обязаны давать показания, невзирая на любые мотивировки (и это верно). Он будет грозить (теперь уже, наверное, в корректной форме) ответственностью по статье 182. Скажите, что Вы знаете об этой ответственности и готовы ее нести.

Он предупредит, что Вы из свидетеля можете стать обвиняемым. Ответьте, что Вы рассматриваете эти его слова как угрозу — и будете реагировать соответственно.

Он спросит, что именно Вы имеете в виду под морально-этическими соображениями. Ни в коем случае не вдавайтесь с ним в дискуссию по этому вопросу! Ответьте, что по Вашему убеждению, Ваше понимание вопросов этики и морали является общепринятым, и что Вы не расположены давать по этому вопросу какие-либо дополнительные разъяснения.

Он обвинит Вас в том, что Вы «не доверяете Органам». Ни в коем случае не говорите, что доверяете! Это ловушка. Ограничьтесь ответом, что, как Вы читали в широко известных партийно-правительственных документах, в течение ряда лет в истории нашей страны были случаи, когда арестовывали и осуждали невинных людей. Вам скажет следователь, что это было давно, а теперь ничего такого нет. Но это — не вопрос, можете ничего не отвечать.

Имейте в виду, что до сих пор допрос с формальной точки зрения еще не начался, протокол еще не велся (хотя очень возможно, что ведется непрерывная звукозапись). Только убедившись в том, что с Вами на этой стадии ничего не поделать, следователь скрепя сердце приступит к оформлению допроса.

Не думайте, что Ваше заявление будет записано как таковое, в его подлинном виде. По процедуре Вы должны отвечать на вопросы, а не делать заявления.

Предупредите следователя, что формулировка отказа должна быть записана очень точно, дословно. Он может сказать, что по закону он обязан записывать показания «со слов, но не дословно». Но и Вы по закону имеете право в конце протокола указать на все, даже малейшие, неточности в его записи.

Если Вы ему хорошо все объясните — будьте уверены, он постарается записать точно. Составление протоколов — нелегкий и неблагодарный труд, кассисты не любят их переделывать.

Заявление об отказе будет записано, скорее всего, как ответ на первый вопрос следователя: «Что Вам известно по данному делу?» Такова принятая у них форма записи, не придирайтесь к этому. Но проверьте в конце допроса каждую букву, каждую запятую и укажите в своих письменных замечаниях все искажения. Они не могут без искажений: слишком различные задачи стоят перед ними и перед Вами.

Вот теперь можно сказать, что главное сделано.

БИОМЕХАНИКА ДОПРОСА

Итак, Вы выбрали отказ от дачи показаний.

Протокол начат, Ваша формулировка записана. Теперь перед Вами стоит несколько задач, которые Вы так или иначе должны решить. Они не очень простые — но гораздо проще тех, которые пришлось бы решать, если бы Вы выбрали держаться на позиции «нет — не помню — не знаю». Вам надо суметь использовать все преимущества своего решения — а их немало.

1. Релаксация. Главное: Вам не требуется быть все время собранным, сосредоточенным, напряженным. Наоборот, надо стараться быть максимально расслабленным и спокойным.

Обязательно воспользуйтесь для этого широко

распространенной сейчас методикой аутогенной релаксации (аутотренинга). В самом простом виде она состоит в том, что Вы внушаете себе (последовательно) ощущение спокойствия, тяжести и тепла, прежде всего в кистях рук и ступнях ног. Следовательно и не знает совсем, о чем Вы задумались и почему у Вас такой спокойный отсутствующий взгляд — а Вы думаете, какие теплые и тяжелые у Вас руки и ноги — и они действительно становятся такими. Еще: мышцы плеч всегда самопроизвольно напрягаются, когда Вы чем-либо обеспокоены. Вспоминайте об этом чаще и снимайте напряжение.

Вы увидите, что это приятно. Это хорошее занятие, оно займет Вас, а Вам только этого и надо. Оно даст ощущение спокойного самообладания и действительной внутренней сосредоточенности.

2. Книга для чтения. Обязательно берите с собой на допрос что-нибудь почитать — не слишком сложное и достаточно занимательное, на Ваш вкус. Не важно, сколько Вы сумеете там прочесть. Важно то, что Ваше внимание будет занято во время многочисленных и продолжительных перерывов в говорении следователя — пока он записывает текст протокола и готовит следующие вопросы.

Такие перерывы, имейте в виду, занимают больше половины всего допросного времени. Для кагебиста главная продукция допроса — приемлемый для начальства, удобочитаемый протокол. Это маленькое умение — предмет их профессиональной гордости и соревнования друг с другом. И это требует времени.

Если свидетель обороняется на позиции «нет — не помню — не знаю», — это молчаливое время работает против него. Против него работает его собственное сознание, лихорадочно поглощая остатки сил, перебирая варианты возможных вопросов и ответов, замалчиваний и уловок, разрабатывая хитроумные ходы, которым суждено потерпеть неудачу через полчаса

или через пять вопросов. Но если Вы выбрали отказ, Вы просто ожидаете, чтобы допрос так или иначе закончился. Пусть Ваш взгляд хотя бы просто скользит по строчкам с пятого на десятое. Вы удовлетворены тем, что допросное время идет, это не Ваше время, у Вас его отняли, это рабочее время кагебиста, оно проходит час за часом, а он от Вас ничего не добился, Вы держитесь и будете держаться дальше.

3. *Стандартная реакция.* Вы расслабились, успокоились, даже отвлеклись немного — и вдруг! — Вас подстерег внезапный, хорошо продуманный вопрос, который должен внушить представление о том, что они все равно все знают — ситуация, погубившая многих оборонявшихся.

Вам же достаточно лишь спросить: «Это вопрос по данному делу?» — «Разумеется!» — «Но я ведь отказался отвечать на все вопросы по делу»...

Заряд пропал даром, кагебист сработал вхолостую, Вы сделали еще один нормальный ход в этой безвыигрышной, но пока не проигранной Вами игре. Только не увлекайтесь, не гордитесь «достижениями»; пусть будет, что будет. Единственный возможный для Вас выигрыш с точки зрения практической — это ничья. Но это уже зависит больше от обстоятельств, чем от Вас.

Перед следователем на столе лежит план допроса, в котором записаны все основные вопросы. Этот план построен не для такого, как Вы, а для свидетеля, отвечающего «нет — не помню — не знаю»: тогда к каждому основному вопросу прибавляется множество дополнительных, за ними другие — веточка за веточкой, пышно разрастается следственное древо, предназначенное для уловления и распятия несознающихся. Ваше преимущество в том, что этих веточек не будет для Вас, поскольку они могут произрастать

только на том питании, которое доставляет сам свидетель.

Но все основные вопросы из подготовленного плана следователь Вам все равно будет задавать, несмотря на Ваш отказ — такова процедура. И от Вас, кроме общего отказа, требуется отказаться отвечать еще и на каждый из этих вопросов по отдельности — такова процедура.

Очень советую выработать единую краткую формулу и следовать ей неукоснительно. Например: «На этот вопрос я отказываюсь отвечать по причинам, которые изложены мной в начале допроса». Повторяйте эту формулу в ответ на каждый вопрос, с удручающим следовательскую душу спокойствием и однообразием. Так Вы сэкономите силы, предельно сократите время допроса и наилучшим образом убедите следователя в бесполезности дальнейших домогательств.

Это очень важно. Помните, что для того, чтобы быть успешным, отказ обязательно должен быть **т о т а л ь н ы м**.

Вы не отвечаете ни на один вопрос по делу — и точка. Иначе Вас запутают и выбьют из Вашей надежной колеи. Будут задавать самые невинные вопросы — например, знакомы ли Вы с таким-то — а это Ваш старинный друг, о чем всем вокруг хорошо известно. Все равно — отказывайтесь отвечать! Этот вопрос задан не зря, за ним последуют другие, рано или поздно (скорее всего, достаточно рано) Вы все равно будете вынуждены ответить отказом. Зачем же лишние труды — пусть получают отказ сразу же, с порога! Будьте однообразно-упорны, не заботясь о словесных красотах — вот единственно верная тактика, которая Вас не подведет.

Ведь если Вы про одного человека (пусть не имеющего никакого отношения к делу) скажете, что Вы с ним знакомы, по поводу другого — что отказываетесь

отвечать на этот вопрос, а по поводу третьего — что с ним Вы не знакомы (и это так и есть), то все это разнообразие, во-первых, потребует затраты сил, во-вторых, — даст следствию пусть не богатую, но все же кое-какую информацию. Главное — в отношении возможной ответственности это абсолютно все равно, так как закон не делает различия между одним-единственным отказом и сотней. А раз так — отказывайтесь отвечать.

— Знакомы ли Вы с Папой Римским? — На этот вопрос я отказываюсь отвечать по причинам, которые изложены мною в начале допроса.

4. Искренность. Поскольку Вы так себя держите, Вам вовсе не надо стараться нравиться следователю — взаимоотношения с ним ограничены строго формальными рамками. Задается вопрос, Вы отказываетесь отвечать, произнося автоматизированно свою формулу. Вас совсем не должно заботить, что именно думает следователь в эту минуту о Ваших знакомствах и поступках.

Он скажет непременно: «Вы с нами не искренни!» — это любимое выражение кагебистов. Но Вам не надо ему ничего доказывать, спокойно можете ответить: «Нет, я искренен. Я абсолютно искренне отказываюсь давать показания».

Неизмеримо труднее тому, кто обороняется активно. Он волей-неволей находится в непрерывном эмоциональном контакте со следователем. Для него стандартный упрек в неискренности звучит как гром небесный, как свидетельство, что его версиям не верят, что его усилия пропали зря — а значит, необходимы все новые и новые усилия.

Кагебист имеет перед допрашиваемым огромное преимущество. Он на службе, для него такие понятия, как честность, искренность, откровенность, правдивость — лишь средства для «раскалывания», рычаги,

при помощи которых он выдергивает сидящего перед ним человека из привычной для того понятийной среды в безвоздушное, душное и устрашающее следственное пространство. Здесь он, кагебист, хозяин. Он как рыба в воде, а допрашиваемый — как рыба на сковородке. И бедняга-свидетель не в силах оторваться от родного смыслового контекста, ему все кажется, что для общего и своего собственного благополучия надо быть или, по крайней мере, убедительно казаться «честным», «искренним», «откровенным». Он не привык еще к тому, что для его собеседников «откровенность» — синоним доносительства. — Нет-нет, я вполне искренен! — торопливо говорит он палачу.

Но это надо доказывать, доказывать. А это значит — новые разговоры, новые и новые допросы. Следственная машина методично пережевывает его. Появляются в протоколах проколы — крайне нежелательные свидетельства, пропущенные и подписанные без дезавуирующих замечаний. Он силится исправить, затушевать — и громоздит на радость следователю противоречие на противоречии.

А роковая ошибка была сделана с самого начала, когда он согласился разговаривать со следователем «как бы по-настоящему», согласился играть в не свою игру, понадеявшись на свои благие намерения, хитрости и находчивость. Не играйте в эту игру: они Вас переиграют.

Тот, кто допрашивает, может быть с житейской точки зрения совсем неплохим человеком — в семейном кругу или с приятелем за чаем или за рюмкой водки. Но здесь он на службе. В отличие от Вас, он свободен от сковывающего воздействия так называемых «абстрактных, внеклассовых, общечеловеческих» моральных норм. Ему хорошо известно из учебников, что «морально то, что на пользу делу рабочего класса», а в сегодняшних конкретных исторических условиях эта польза определяется волей партии. Этот

человек знает, что Вы смотрите на эти вещи иначе, чем он. Для него это — Ваша слабость, которую можно и должно использовать в соответствии с «логикой борьбы». Так выигрывал Гитлер у соседних держав уступку за уступкой перед войной, пользуясь их «устаревшим» пониманием значения торжественных заверений и договоров — он-то знал, что договоры соблюдаются до тех пор, пока это тактически выгодно. И так приходят к власти коммунисты везде, где им это удастся.

Но ни в коем случае не считайте того, кто допрашивает, монстром, чудовищем — это тоже ослабит Вас, ибо это неверно — он по-своему «честен», и он «выполняет свой долг». Просто имейте в виду, что он не так, как Вы, понимает значение самых обыкновенных и привычных, казалось бы, общезначимых слов. Об этом нельзя забывать ни на минуту. Вы не можете принять его языка. Вы лишены возможности объяснить ему свой язык. Отсюда единственный выход — по возможности не разговаривать, не обсуждать ничего, не делиться мыслями, не аргументировать — каждое слово будет злонамеренно использовано против Вас.

5. Сдержанность. Как держаться с кагебистами? — С максимальным достоинством и без грубости. Грубость — это они любят: можно арестовать Вас как бы за мелкое хулиганство суток на десять-пятнадцать; а если Вы обвиняемый, попадете в карцер. А главное: грубость — ведь это человеческая эмоция, своего рода фамильярность. Этого-то и не должно быть.

Конечно, кагебисты — «тоже люди». Но при общении с ними про это надо стараться забыть, независимо от того, как именно они себя с Вами ведут. Перед Вами винтики громадной машины, сделанной для пожирания таких, как Вы. Не давайте воли чув-

ствам. Сознательным волевым усилием отталкивайте всякую человеческую эмоцию по отношению к чиновнику этой организации. Ваши ответы, поведение и — по возможности — чувства не должны ни в какой мере зависеть от личных качеств следователя — представляется он Вам умным или не очень, добрым или злым, отталкивающим или по-своему симпатичным — в Вас ничто не должно шевельнуться в связи с этим. Это трудно, это самое трудное; надо постоянно напоминать себе об этом.

Излюбленный метод КГБ — сменять следователей, особенно поначалу. Один орет на Вас и даже стучит кулаком по столу, грубо угрожает (свидетель замыкается и ошетиливается, если его не так просто запугать), а другой — вежлив, корректен, даже ласков (если Вы это допускаете; не допускайте! держите дистанцию). Возникает произвольная симпатия к этому второму — с ним можно разговаривать... А разговаривать-то и нельзя.

Можно попробовать отвлечься, представить себе, что все это происходит не с Вами, а с похожим и дружественным Вам человеком. Ведь тактика Ваша предельно проста, формулы выучены, с этого Вас никак не сбить — Вы имеете время и возможность следить за своими ощущениями и контролировать их.

Задача — чтобы допросное время проходило, а Вы были бы спокойны и не слишком утомлялись. Тут уместно вспомнить, что у Вас есть некоторые маленькие права — старайтесь использовать их все. Мало кто из новичков знает, что допрашиваемый каждые два часа имеет право пойти в туалет. Делайте это неукоснительно: это Ваши пять минут, Ваш отдых. Требуйте, чтобы в обеденное время они отвели Вас в свою столовую. Если уже поздно и Вы устали, настойчиво требуйте прекращения допроса.

Впрочем, при отказе от показаний допрос заканчивается достаточно рано.

ПРОТОКОЛ

Допрос подходит к концу. Следователь молчаливо завершает свое очередное произведение — протокол допроса — и дает Вам для прочтения. Вы устали, не слишком хорошо себя чувствуете, уже поздно, и хочется только одного — поскорее попасть домой.

Но не спешите! соберитесь напоследок с силами. Прочтите протокол внимательно, прочтите его дважды, читайте каждое слово. Следователь торопит Вас — не обращайтесь внимания, это законное право — читать протокол, сколько вздумается.

Вы имеете право в конце протокола писать свои замечания. Обязательно воспользуйтесь этим правом. В каждом случае, когда Вас не вполне удовлетворяет формулировка следователя, запишите: ...В действительности вопрос такой-то был задан следующим образом, а мой ответ звучал так-то.

Даже если следователь убедился, что Ваши ответы лучше во избежание недоразумений записывать дословно, он все равно не сможет это сделать. Даже если по существу придирается не к чему, укажите, что ответы, которые Вы произносили кратко, записаны в протоколе в более развернутом виде, а не в точности так, как Вы их давали (это всегда делается следователями, таковы правила записи протокола). Ваша задача — на всякий случай так или иначе дезавуировать протокол. Вы не можете предвидеть, как именно в будущем следователь использует то или иное выражение. И совсем непростительно, если Вы пропустите что-нибудь существенное и подпишете протокол без всяких замечаний. Вам предъявят эти записи на суде, и Вы будете не слишком хорошо себя чувствовать.

Это они очень любят. Свидетель на суде говорит: «Не знаю, не помню». А судья ему: «Как так не помните? А ну-ка, откроем том дела номер такой-то, страницу такую-то. Поглядите — это Ваши показа-

ния?» — «Нет, я так не говорил, это формулировка следователя». — «А это Ваша подпись под протоколом?! И поглядите — Вы не записали никаких замечаний. Что же это Вы, человек с высшим образованием, читать не умеете? В этом Вы хотите убедить суд? А если бы следователь записал в протоколе показание, что обвиняемый, скажем, убил человека, Вы и это подписали бы? Стыдитесь! Вы виляли на следствии, были неискренни, Вы неискренни и теперь, на суде».

Никому не пожелаешь оказаться на месте такого свидетеля. Поэтому читайте, читайте протокол, и обязательно пишите замечания. Вы сможете потом на них сослаться, если будет надо. А не понадобится — ничего, труд невелик.

СВИДЕТЕЛЬ НА СУДЕ

И еще одно преимущество спасительного отказа — он сохраняет для Вас свободу маневра на суде.

Если Вас все же вызвали, несмотря на отказ давать показания на следствии, свидетелем на судебный процесс — это значит, скорее всего, что КГБ не намерено само возбуждать против Вас дело по статье 182 и решило предоставить это суду. Правда, особенно уповать на это не следует — срок давности Вашего «преступления» — три года.

Пока идет следствие, всегда могут появиться новые доказательства и свидетельские показания. Но на суде ничего нового КГБ уже не сможет представить. И здесь Вы смело можете на многие вопросы отвечать «нет — не помню — не знаю».

Правда, это можно делать лишь в том случае, если Вы полностью в курсе хода судебного процесса и знаете содержание обвинительного заключения. Вы как свидетель можете находиться в зале суда только с момента Вашего допроса в суде (и на этом Вы должны настаивать, если Вас попытаются удалить, на

основании статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР). Если кто-нибудь из Ваших близких друзей был в зале до Вас и подробно пересказал содержание обвинительного заключения и показаний обвиняемого и допрошенных ранее свидетелей, тогда — в добрый час! действуйте смело и сообразуясь с обстоятельствами.

Судья спросит, и довольно агрессивно, почему Вы отказывались давать показания на следствии. Ответьте, что следователь применял угрозы, и это было для Вас оскорбительно. Это всегда так бывает — они просто не умеют вести следствие без угроз...

У Вас могут быть конкретные причины желать присутствовать на суде. Например, если суд закрытый — чтобы знать, что там происходит; или чтобы своим присутствием оказать моральную поддержку подсудимому. Если таких причин нет — заболейте на эти дни и предъявите потом справку. И даже за неявку без уважительной причины Вам грозит непосредственно лишь мелкий штраф. Но в этом случае — если на суд идти не хотите и нет справки о болезни — лучше уехать куда-нибудь из города, не то Вас приведет на суд милиционер.

ОБВИНЯЕМЫЙ

— Что ж, — скажете Вы, — все это, быть может, неплохо для свидетеля. Но если я буду обвиняемым? Что делать тогда?

Мой ответ (пусть сугубо субъективный): то же самое.

Должен сказать, что мне самому не пришлось быть обвиняемым. Кто не был там, не может знать наверняка, как он будет себя вести. Но хотелось бы, если уж придется, суметь и там отказываться давать показания. Все, что известно о многих следствиях и процессах, убеждает меня, что в большинстве

случаев отказ — оптимальная тактика не только для свидетеля, но и для обвиняемого.

По закону обвиняемый не несет ответственности за отказ, как и за ложные показания. Не надо, впрочем, сомневаться в том, что следствие и суд сочтут такое поведение крайне дерзким и вызывающим и влепят подсудимому такой большой срок, какой смогут.

Но ведь они все равно это сделают! В том-то и дело, что мера наказания лишь в небольшой степени определяется такими факторами, как действительная вина, раскаяние, нанесенный ущерб и прочее. Конечно, один получает больше, а другой меньше. Но приговор по политическому делу всегда определен еще до суда конкретной инструкцией местной или центральной партийной власти. И приговор зависит в большинстве случаев не от Вас, не от Ваших мнимых или действительных преступлений, а от имеющихся в данный момент общих установок, и в последние годы — от конкретной международной ситуации.

Немногим из тех, кто поверил КГБ, испугался и попросил, удалось получить в натуре заслуженное вознаграждение. А те, кому это удалось (опять же в силу внешних обстоятельств), — пошли на такие самоубийственные унижения, что Вы навряд ли захотели бы разделить их судьбу. Много, слишком много требуется от того, с кем власти устраивают «показательный» процесс.

Не хочу призывать Вас ни к чему такому, за что Вы не пожелали бы принять на себя ответственность. Напоминаю лишь общеизвестное: приговор по политическому делу определяется главным образом независящими от Вас обстоятельствами. А следствие, сколь бы ласково оно себя ни держало под конец с «расколовшимся» обвиняемым, все равно, по чисто профессиональным соображениям, **н а к р у т и т** на него все, что сможет.

Когда обвиняемый отказывается отвечать на во-

просы и давать показания, он должен сознавать, что идет на потолок — то есть готов получить максимальную меру наказания по статье 70. Это не значит, что так и будет — может быть и гораздо меньше — но готовым надо быть к максимуму. В этом и только в этом случае Вы свободны от губительного воздействия следствия. Но если Вы не готовы внутренне к максимальному сроку и «хотите» хотя бы на полгода меньше — тогда Вы в рабстве у следствия. Вас заставят пройти горьким путем, которым прошли многие до Вас — и обманут.

Почти каждый обвиняемый по политическому делу был до этого какое-то время свидетелем. Если Вы как свидетель отказывались давать показания — продолжайте делать то же, став обвиняемым. Вам дорого обойдется изменение тактики, и почти всегда оно останется бесплодным. Вам будут постоянно напоминать на следствии, что Вы отказывались; припомнят это обязательно и на суде.

Практически во всех случаях те данные, которыми располагает КГБ в начале следствия, оказываются впоследствии лишь костяком обвинительного заключения. А живая ткань дела состоит из показаний обвиняемого — и показаний свидетелей, подтвержденных обвиняемым. Им нужны, им необходимы Ваши показания для того, чтобы сшить «стоящее» дельце, на котором можно заработать награды и повышения, это для них главное. На сухом, не подтвержденном показаниями агентурном материале такого дела не склеить.

Не помогайте им в их грязном труде! Помните, что х о р о ш о (с точки зрения КГБ) склеенное дело включает как необходимое условие и свое закономерное завершение — примерный, устрашающий приговор, который должен оправдать и само ведение дела. КГБ должно постоянно оправдывать свое существова-

ние, доказывая власти, что оно не пустяками занимается, а серьезными делами и опаснейшими преступлениями.

Став обвиняемым, заявите протест против ареста и заставьте записать в первом же протоколе, что Вы отказываетесь отвечать на вопросы и давать показания в знак протеста против примененной к Вам необоснованно суровой меры пресечения. Заявите, что Вы отказываетесь признать себя виновным по статье 70, поскольку у Вас не было умысла на подрыв и ослабление советской власти — и по этой причине Вы также отказываетесь отвечать на вопросы и давать показания. А затем держитесь — и да поможет Вам Бог!

Вам придется много месяцев провести в следственной тюрьме, в полной изоляции от родного и привычного для Вас мира. Вам придется выдержать изощренный и многообразный шантаж, вплоть до угрозы спецпсихбольницей, куда Вас, возможно, направят для экспертизы — и дабы Вы сами убедились, насколько это неприятное место. Вы будете помнить формулу «не верь — не бойся — не проси», а Вас будут уговаривать поверить, будут запугивать, будут предлагать, чтобы Вы попросили. Потом будет суд — скорее всего, закрытый — и приговор. И лагерь.

Но не будет — многомесячной унижительной зависимости от следователей, вымучивания версий, заверений в лояльности, показаний о других людях, показаний о себе и о своих контактах, разрушительного чувства вины и угрызений совести. Не будет мучительных самооправданий, исподволь разрушающих веру, совесть и разум. Будет чистое сердце — и силы вынести тюрьму и лагерь и выйти из них достойным человеком.

* * *

Длинное получилось письмо, и довольно грустное. Такова уж сама тема. Старался, как мог, рассказать все, что знаю и думаю об этом.

Что сделали с нами!.. Когда однажды пришли с обыском к моему другу-писателю, он не стал возмущаться или протестовать, а лишь спросил деловито: «Ордер у вас есть?» А потом он пришел ко мне и сказал, что у него был обыск целый день. И я тоже, не сговариваясь, не удивился и не возмутился, а спросил столь же деловито: «Что взяли?»

Это обыденная и страшноватая история. У всех нас мышление рецидивистов, а не нормальных культурных людей, в общем лояльных и законопослушных, какими мы являемся на самом деле. Наша психика деформирована «под гнетом власти роковой». Мы живем на своей родине, как в оккупированной стране. И всякий миг мы должны быть готовы ко всему.

От всей души желаю себе и Вам дожить до таких дней, когда все то, о чем я написал, не будет столь актуальным.

Будьте счастливы.

Ваш

Я. В.

ВИНЬКОВЕЦКИЙ, Яков — родился в 1938 году в Ленинграде. Учился в Горном институте, является автором множества трудов по различным геологическим проблемам. Как художник участвовал в ряде выставок, в том числе принимал участие в выставке 50 ленинградских художников-авангардистов. В апреле 1975 года покинул СССР. В настоящее время живет в США.

